

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

годъ ххiv.

№ 1

января 1.

Общественное служеніе Церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.

Религіозная и общественная жизнь народовъ находятся въ неразрывной связи между собою: это истина, подтверждаемая исторіей всѣхъ странъ и всѣхъ религій. Особенно Церковь христіанская всегда и вездѣ вліяла болѣе или менѣе сильно на развитіе жизни общественной и государственной. Но характеръ и качество этого вліянія въ различныя времена и у различныхъ народовъ были далеко не одинаковы. Мы можемъ, не опасаясь преувеличенія, сказать, что русская Церковь занимала и занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Можно указать Церкви, которыя играли бесспорно болѣе видную политическую роль: таково было католичество, таково отчасти и протестанство. Но нигдѣ вліяніе Церкви на жизнь общественную не было чище, возвышеннѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ. Русская Церковь всегда считала благо государственное своимъ благомъ, никогда не измѣняла интересамъ общества, никогда не предпочитала имъ какихъ-либо личныхъ или сословныхъ интересовъ. И всякій разъ, когда представлялась возможность, а тѣмъ болѣе, когда

была нужда, Церковь приходила на помощь государству употребляла на служеніе ему всѣ силы, которыми могла она, располагать въ данное время, силы обыкновенно не малыя, и много разъ оказывала ему самыя существенныя, а иногда ничѣмъ не замѣнимыя услуги. Такимъ характеромъ запечатлѣна дѣятельность Церкви уже въ первоначальный удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи. Скудны и отрывочны историческія свѣдѣнія объ этомъ періодѣ и темнымъ временемъ представляется онъ въ прошломъ нашего отечества. Но тѣ немногія давныя, которыя дошли до насъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ неопровержимо, что Церковь служила и помогала юному государству съ энергіей, доходившей до самоотверженія, и оказывала на жизнь общественную самое благотворное вліяніе.

IX и X вв. были временемъ преимущественно внѣшняго роста русскаго государства. Трудями первыхъ князей расширены были предѣлы русской земли, намѣчены были границы ея, покорены различныя племена и установлена крѣпкая съ внѣшней военной стороны власть. Съ конца X столѣтія начинается внутреннее упорядоченіе, государственная формація русской земли. Задача предстояла очень сложная и очень трудная. Правда, юное общество обладало богатымъ, непочатымъ еще запасомъ жизненныхъ силъ и энергій. Но не было у него необходимаго для цѣлостности и мощи государственной сознанія національнаго единства, не было ни крѣпкой основы государственности въ видѣ упорядоченной и тѣсно сплоченной семьи, ни близкаго и дружественнаго единенія между сословіями, не было ни просвѣщенія, безъ котораго немыслимо развитіе гражданскаго быта, ни опредѣлившагося ясно идеала государственной власти. И все это достойно увѣнчивалось господствомъ эгоизма и страстей, свойственныхъ натурѣ нетронутой или мало тронутой христіанской культу-

рой, и производившихъ постоянныи смуты въ частной и общественной жизни, тормозившія или искажавшія ея нормальное развитіе.

Къ великому счастью для русской земли, это многотрудное время совпало со временемъ крещенія Руси великимъ княземъ Владиміромъ. вмѣстѣ съ христіанствомъ явилось на Руси православное духовенство и стало могущественною силою для проведенія и укорененія въ обществѣ началъ новаго государственнаго быта. Оно въ состояніе было сдѣлать это и потому, что было носителемъ и проводникомъ въ народную массу христіанства, составляющаго самую надежную связь людей между собою и уничтожающаго или ослабляющаго всякіе противообщественныи инстинкты, и потому, что само наиболѣе развито было въ политическомъ отношеніи: состоя въ значительной степени изъ Грековъ или ихъ учениковъ, духовенство русское знакомо было съ государственнымъ устройствомъ наиболѣе цивилизованной тогда Византійской Имперіи, знакомо было съ идеаломъ власти не въ теоріи только, но и на практикѣ. И Церковь русская оказалась на высотѣ своей патріотической задачи: словомъ и дѣломъ, назиданіемъ и живымъ примѣромъ служила она отечеству и своею нравственною мощію поддерживала первые слабые шаги будущаго исполина между земными царствами.

На обширной территоріи нашего отечества въ ту далекую эпоху жили Славяне ильменскіе, Кривичи, Радимичи, Вятичи, Поляне, Древляне, Сѣверяне и другіи славянскія племена. Рядомъ съ ними, а частію среди нихъ жили племена Финскія: Ижора, Корела, Чудь, Весь, Меря, Мурома, Мордва, Мещера, Тештеря и т. д. Не только между Славянами и Финнами, но и между родственными племенами много было рѣзкихъ особенностей, обособлявшихъ ихъ и дѣлавшихъ враждебными другъ-другу. Припомнимъ характеристику, которую дѣлаетъ

Славянскимъ племенамъ преподобный Несторъ. «Имяху, говоритъ онъ, обычан, и законъ отецъ своихъ и свои преданія, каждо свой правъ: Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ..., Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотстки: убиваху другъ-друга, ядаху все нечисто и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радими, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуше все нечисто, срамословіе въ нихъ предъ отцы и предъ свохами; браци не бываху въ нихъ, но игрица межи селы»... ¹⁾ Тоже самое было и у Финновъ. «Мурома, говоритъ лѣтописецъ, языкъ свой и Черемиса свой языкъ, Мордва свой языкъ». ²⁾ При болѣе или менѣе рѣзкихъ различіяхъ въ нравахъ, образѣ жизни и языкѣ, враждебныя столкновенія между племенами, вообще свойственныя родовому быту и въ особенности, къ сожалѣнію, Славяпамъ, были явленіемъ постояннымъ. «Не бѣ въ нихъ правды, и въ сташа родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся» ³⁾. Изъ такихъ то разнородныхъ, враждебныхъ другъ-другу элементовъ долженъ былъ образоваться могучій своимъ единствомъ русскій народъ. И это чудо въ русской исторіи совершилось, благодаря могущественному вліянію православной Церкви и ея достойныхъ служителей. Съ распространеніемъ христіанства, въ которомъ «нѣсть Эллія ни Іудей», сглаживались всѣ племенные отличія, и племенные разновидности мирно слились въ одномъ широкомъ потокѣ христіанскаго народа. Единство вѣры позволило установить посредствомъ брачныхъ связей невозможныя дотолѣ родственныя отношенія между разными племенами, и

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 6.

²⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 8.

скоро съ лица земли русской исчезаютъ не только Кривичи, Поляне, Древляне, Вятичи и т. д., но и Весь, Меря и Муroma, а на мѣсто ихъ становится всюду одинаковый крестьянинъ, т. е. христіанинъ. Національное объединеніе шло слѣдомъ за объединеніемъ религіознымъ: православный становился русскимъ человѣкомъ, хотя бы не былъ имъ по происхожденію, равно какъ и измѣнившій православію переставалъ быть имъ, хотя бы былъ кровнымъ Славяниномъ. Распространеніе христіанства было такимъ образомъ не религіознымъ только, но и гражданскимъ подвигомъ, и дѣятели на этомъ поприщѣ, переносившіе всевозможныя бѣдствія, а иногда и самую смерть во имя своего великаго дѣла, были не только вѣрными сынами и служителями Церкви Христовой, но и истинными патриотами, благодѣтелями отечества, первыми зиждителями его національнаго единства и національной мощи. Самоотверженно шли эти подвижники въ среду дикихъ и чуждыхъ племенъ. И гдѣ сѣяли они сѣмена христіанства, тамъ всходили и начала русской народности и гражданственности и легко утверждалась княжеская власть. Много такихъ мирныхъ завоеваній сдѣлано было русскимъ государствомъ при помощи смиренныхъ чернецовъ, и многимъ обязана имъ въ этомъ отношеніи русская земля.

Основу государства составляетъ семья, и крѣпость цѣлаго необходимо предполагаетъ крѣпость тѣхъ единицъ, изъ которыхъ оно составляется. Между тѣмъ семья нашихъ предковъ далеко не отличалась благоустроенностію, и много падо было усилій, что бы оздоровить разлагающую семейную атмосферу. Возникала тогда семья большею частію случайно: только у Полянъ было нѣкоторое подобіе брака; у остальныхъ племенъ господствовало умыканіе, т. е. похищеніе дѣвицъ. Многоженство было зауряднымъ явленіемъ. «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ, говоритъ Несторъ, имяху по двѣ и по три жены»;

обычай этотъ распространенъ былъ и у Кривичей, и, вѣроятно, у Древлянъ, которые «живяху звѣриньскимъ образомъ». Въ семейныхъ отношеніяхъ господствовала грубая, разнузданная чувственность, и только Поляне отличались стыдѣніемъ «къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и свекровемъ» и т. д. Личность женщины цѣнилась очень низко; она вмѣстѣ съ дѣтьми предоставлена была произволу мужа и трактовалась, какъ его имущественная собственность, которою глава семьи могъ располагать по своему усмотрѣнію. Подъ 1024 г. записано въ лѣтописи любопытное свидѣтельство о томъ, что, по случаю голода, въ Суздали «мужи жены своя доуху, да прокармливають себя, челядиномъ». ¹⁾ Мстиславъ Тмутараканскій и Редедя Касожскій предъ единоборствомъ заключили между собою условіе: «аще одолѣши ты, то возмеша имѣніе мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». ²⁾ Многоженство ведетъ за собою, какъ свое естественное слѣдствіе, легкость развода, который и практиковался у нашихъ предковъ весьма часто, потому что обусловливался простымъ недовольствомъ мужа на жену.—Противъ этого общественнаго зла Церковь возставала со всею силою и старалась искоренить его всѣми зависящими отъ нея средствами. Таинство брака сообщило семьѣ высшее освященіе и внесло въ жизнь семейную высшій нравственный идеалъ. Неохотно разставались предки наши съ привычною свободою брачныхъ отношеній. Но обычное умыканіе невѣстъ стало теперь преступленіемъ и, по Церковному Уставу Ярослава, наказывалось очень большою денежною пеней. «Аще кто умчитъ дѣвку, аще боярская дщи будетъ, за соромъ ей 5 гривень золота (800 руб. на наши дьсьги).

¹⁾ Софійскій Временникъ. 153 стр.

²⁾ П. С. Р. Л. т. 1, 63 стр.

Аще будетъ меньшихъ бояръ, ей гривна золота, а митрополиту гривна золота (320 р.) А оже добрыхъ людей будетъ, 2 гривны серебра ей за соромъ, а митрополиту рубль, а на умытницѣхъ по 60 ногать митрополиту, а князь ихъ казнить». ¹⁾ Преступленіе это считалось настолько важнымъ, что наказывалось гораздо строже, нежели убійство свободнаго челоуѣка и даже убійство домохозяина—огнищанина. Точно также преслѣдовалось многоженство. «Аще кто иметь двѣ жены водить, митрополиту 20 гривенъ (по нѣкоторымъ спискамъ 40) и вторую жену взять въ домъ церковный». ²⁾ Не ограничиваясь этимъ, Церковь старалась урегулировать отношенія мужа къ жевѣ; опредѣлены были основанія для развода и положенъ предѣлъ произволу мужа въ этомъ отношеніи. ³⁾ Разводъ, не имѣвшій за себя узаконенныхъ основаній, карался, какъ весьма важное преступленіе. «Аще пустить бояринъ жену, за соромъ ей 300 гривенъ, а митрополиту 5 гривенъ золота; меньшихъ бояръ—гривна золота, а митрополиту гривна золота; нарочитыхъ людей 2 рубля, а митрополиту два рубля; а простой чада 2 гривны, митрополиту 2 гривны, а князь ихъ

¹⁾ Истор. Русск. Церкви Г—скаго. т. I, стр. 537. 8.

²⁾ Ibid. 540 стр.

³⁾ Мотивами, достаточными для развода, признаны были слѣдующіе:

¹⁾ Если жена услышитъ отъ чужихъ людей, что думаютъ на князя, и неслажетъ мужу.

²⁾ Въ случаѣ прелюбодѣнія жены.

³⁾ Когда жена покушалась убить или отравить мужа.

⁴⁾ Если жена безъ своего мужа будетъ ходить къ постороннимъ, ѣсть съ ними или спать внѣ своего дома.

⁵⁾ Если жена днемъ или ночью будетъ ходить на прища и не послушаетъ увѣщаній мужа.

⁶⁾ Если не скажетъ мужу, что какіе-либо люди нахѣреляются совершить воровство. (См. Хл—кова. Общество и Государство. стр. 163; также Голубинскаго Истор. Русск. Цер. 544 стр.).

казнить». ¹⁾ Женѣ предоставлено было право собственности, и она перестала быть только вещью своего мужа. Правда, мужъ по обычаю, унаслѣдованному отъ отцовъ и дѣдовъ, имѣлъ право наказывать виноватую предъ нимъ жену; но и это право ограничено было въ его крайнихъ проявленіяхъ. «Въ случаѣ боя и убійства, если случится душегубство (т. е. убійство жены), мужъ считался виновнымъ и платилъ денежную пеню князю пополамъ съ митрополитомъ». ²⁾ Особенно тяжело было положеніе въ семьѣ снохи; старинныя пѣсни яркими красками рисуютъ намъ непритворное горе дѣвушки, которую выдаютъ въ чужую семью на чужую сторону. Церковь взяла подъ свою защиту и эту семейную страдалицу; законы церковные ограждаютъ ее отъ произвола членовъ семьи и отъ побоевъ ихъ: «Если свекоръ бьетъ сноху или деверь невестку, то платить ей по закону, а митрополиту пеню». ³⁾ Наконецъ, Церковь заботилась и о томъ, чтобы браки заключались по взаимной склонности, а не по принужденію, въ виду, конечно, большей крѣпости брачныхъ узъ и большей чистоты семейныхъ отношеній. «Оже ли дѣвка въ схощетъ замужь, а отецъ и мати не дадутъ ей замужь, а что створить надъ собою, отецъ и мати митрополиту въ винѣ; такоже и отрокъ». ⁴⁾ И съ другой стороны: «Аще дѣвка не въсхощетъ замужь, а отецъ и мати силою дадутъ, а что дѣвка учинить надъ собою, то отецъ и мати митрополиту въ винѣ; а исторъ ⁵⁾ има платити; такоже и отрокъ». ⁶⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что старанія Церкви не были безплодны; изъ изы-

¹⁾ Истор. Рус. Цер. Голубинскаго т. I., 538 стр.

²⁾ Хл—ловъ. Общество и Государство, 163 стр.

³⁾ *ibid* 164 стр.

⁴⁾ Голубинскій. Исторія Рус. Цер. 543 стр.

⁵⁾ Подъ «исторомъ» разумѣется вѣно и свадебныя издержки.

⁶⁾ *ibidem*.

ческой семьи русскаго челоѣка стала христіанской; мѣсто деспотизма и нравственной распущенности заступили любовь и великое стыдѣніе. А съ оздоровленіемъ семьи оздоровлялось и укрѣплялось общество и государство: въ доброй христіанской семьѣ воспитывался полезный членъ общества и вѣрный слуга отечества.

Кромѣ женщины было много и другихъ страждущихъ членовъ въ русскомъ обществѣ того времени. Уже въ древней Руси порабощеніе однихъ лицъ другими было обычнымъ и все болѣе распространявшимся явленіемъ. По выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка Епископа Владимірскаго Серапіона, «богатые и сильные, аки звѣри въ ненасытномъ стремленіи къ приобрѣтенію и порабощенію жаждали, абы всѣхъ погубити, насытъствомъ имѣнья порабощали, не миловали сиротъ, не знали челоѣческаго естества; друзіи же, имѣнія не насыщашеся и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ». ¹⁾ Печальна была участь этихъ несчастныхъ: они лишены были всѣхъ правъ не только общественныхъ, но и личныхъ, и считались полною собственностію господина; послѣдній могъ ихъ продать, подвергнуть всевозможнымъ истязаніямъ и даже убить, не опасаясь никакой отвѣтственности предъ гражданскимъ закономъ: «а кто осподарь огрѣшится ударить своего холопа, или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не смлютъ». ²⁾ Объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ о смягченіи этой общественной язвы заботилась въ то время исключительно Церковь; голосъ ея неумолкаемо и настойчиво раздавался противъ работорговцевъ и рабовладѣльцевъ. Правила м. Іоанна называютъ работорговцевъ, «врагами и гонителями вѣры

¹⁾ Правосл. Собесѣд. 1858 г. Июль.

²⁾ Акты Археографической Экспедиціи т. I, стр. 8.

Христовой», предписываютъ духовенству отвлекать ихъ отъ этого злаго дѣла, и, «если не престануть, считать ихъ наравнѣ съ язычниками и мытарями». ¹⁾ Освобожденіе рабовъ Церковь всячески поощряла, и благодаря ей рѣдкій богачъ умиралъ, не отпустивъ на свободу большаго или меньшаго числа кабалныхъ людей. Она же помогала несчастнымъ выкупаться изъ тяжелой неволи, настойчиво требуя, чтобы владѣльцы не брали съ выкупающихся болѣе того, чѣмъ сами заплатили за нихъ. «Горѣ всего тѣмъ, говорили проповѣдники, которые берутъ изгойство (лишніи деньги съ выкупающихся отъ рабства); не увидятъ милости не помиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божію человѣка, не насыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу и полагающіе цѣну не по запову Божію. Если кто продастъ челядина, пусть столько же беретъ за него, сколько далъ; если же беретъ лишнее, то, значить, беретъ наклады и торгуетъ живыми душами, съ которыми предстанетъ и на судъ Божій. Также, если кто выкупается на свободу, пусть столько же дастъ за себя, сколько дали за него». ²⁾ «Горче всего, говоритъ одинъ древне-русскій толкователь молитвы Господней, изгойство; изгойство—безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчное воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасающій огонь». ³⁾ Не имѣя силы совершенно искоренить рабовладѣльческихъ инстинктовъ, Церковь стремилась по крайней мѣрѣ облегчить положеніе рабовъ и постоянно поучала обходиться съ ними кротко, милостиво и заботливо, какъ съ дѣтьми. Если кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, поучаетъ древнее «Слово о Челиди», учите ихъ и побуждайте

¹⁾ См. Русс. Достопап. ч. I. стр. 96—97 ир. 24.

²⁾ См. Правосл. Собесѣд. 1859 г. т. I. 51—52 стр.

³⁾ *ibid.* 53 стр.

въ крещенію и покаянію и наставляйте ихъ на законъ Божій и грозою и ласкою. Ты игуменъ въ своемъ дому. Если не учишь ихъ, отвѣтъ дашь предъ Богомъ. И корми ихъ доволно, снабжай одеждами и яствами; и что имѣете и чего они не попросятъ, давайте, да не въ скорби ходить. А не безчествуйте ихъ: ибо они такіе же люди, только вамъ въ услуженіе даны Богомъ. Если же вы не дадите одежды и пищи, а они, не стерпя голоду и наготы, начнутъ красть и убивать, вы дадите отвѣтъ предъ Богомъ за то.... Не оставляйте своихъ рабовъ и рабынь праздными: ибо праздность ведетъ ко многому злу. Но и не отягчай чрезъ силу раба и рабыню, чтобы они въ горести не вздохнули на тебя къ Богу. Богъ услышитъ вопль ихъ, и пролетѣть на тебя гнѣвъ свой.... Учите ихъ закону; если кто не послушаетъ тебя, ты накажи его, но не чрезъ силу... Если же имѣешь добраго раба, то и имѣй его не только какъ брата, но какъ сына». ¹⁾ Къ жестокимъ господамъ Церковь относилась очень строго: іерархи постоянно внушали священникамъ не принимать отнюдь въ храмъ даровъ отъ злаго господина, который челядь свою мучами и ранами томить, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, морить голодомъ, томить наготою». ²⁾

Попеченію же Церкви предоставлены были и другіе страждущіе члены русскаго общества. По Церковному Уставу св. Владиміра, подъ покровительство Церкви отданы были нищіе и увѣчные, — слѣпецъ, хромецъ, странникъ, калѣка, вдова и т. д., — и всѣ богоугодныя заведенія, назначенныя для ихъ призрѣнія, — больницы, гостиницы и странно-пріимницы. На полезное благотвореніе Церковь употребляла значительную часть своихъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ.

¹⁾ Православ. Собесѣдн. 1859 г. т. I, 54—55 стр.

²⁾ Акты Историч. т. I. № 109.

М. Кириллъ II-й такъ говоритъ объ употребленіи церковныхъ имуществъ: «Тѣ десятины и суды и дома великіе, которые даны церкви закономъ Божиимъ и прежними цари и великами князи нашими, то дано клирошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ владшихъ чадъ многъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопѣ, плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе, вдовамъ пособіе, въ худобѣ умирая покровы и гробы и погребаніе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе, а мертвымъ память». ¹⁾ Слова эти оправдывались самымъ дѣломъ. При Печерскомъ монастырѣ устроенъ былъ особый дворъ, гдѣ прендобный Θεодосій «повелѣ пребывати нищимъ, слѣпымъ, хромымъ отъ монастыря подаваше имъ, яже на потребу». О м. Ефремѣ Стеневная книга говоритъ: «Еще же замысли банное учрежденіе и врачей и больницы уготова, яко да устроено будетъ трудоватымъ и всѣмъ страннымъ приходящимъ безмездное врачеваніе». О многихъ настояряхъ лѣтописецъ замѣчаетъ: обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступникъ, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильного, и сильныхъ не стыдился». ²⁾

Настоящее время только съ трудомъ можетъ составить себѣ представленіе о тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, до которыхъ доходили въ ту эпоху народныя бѣдствія. Не было тогда ни карантинныхъ и медицинской помощи на случай мора, ни запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и удобныхъ путей для быстраго подвоза на случай голода, ни пожарныхъ командъ. Голодъ иногда проявлялся съ такою силою, какъ записанъ

¹⁾ Журн. Минист. Народ. Просв. ч. ХСІ. 21 стр.

²⁾ Истор. Христ. Арист. 432 стр.

онъ подь 1130 годомъ: «изби мразъ на Воздвиженіе Честнаго Креста обиліе по волости нашей и оттолѣ горе уставися велико... и разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужія грады и страны братьи нашей и сестръ, а останокъ почаша мерети: и кто не прослезится о семь, видяще мертвеца по улицамъ лежаща и младенца отъ песь изъѣдаемы?»¹⁾ Пожары бывали таѣ часты и сильны, что люди не смѣли жить въ домахъ и скитались въ поляхъ.²⁾ Морь свирѣпствовалъ въ такой степени, что одинъ здоровый приходился на десять больныхъ; иные дворы вымирали совсѣмъ, въ другихъ оставалось по одному, много по два человекъ.³⁾ Во время мора, извѣстнаго подь именемъ «черной смерти», священники не успѣвали хоронить умершихъ, и Псковичи боялись, что вся область ихъ вымретъ безъ остатка. Въ подобныхъ критическихъ случаяхъ, когда всѣхъ охватывала паника, еще болѣе увеличивавшая зло, когда терялась и опускала руки даже призванная власть, пастыри Церкви являлись истинными благодѣтелями земли. Помимо того, что они всегда умѣли подать нравственное утѣшеніе, въ которомъ нуждалось глубоко потрясенное бѣдствіемъ религіозное сознание народа, поднимали его морально и удерживали отъ отчаянія, они обнаруживали энергическую и нерѣдко самоотверженную дѣятельность на помощь своей страждущей паствѣ. Они не только возносили отъ лица паствы пламенные молитвы къ Богу «о престатіи гнѣва Божія», но принимали и мѣры, внушаемыя правтической мудростію. Такъ въ 1230 году, когда люди умирали отъ голода, и непогребенные трупы всюду лежали по улицамъ, владыка новгородскій Спиридонъ, опасаясь,

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 46 стр.

²⁾ *ibid.* 81 стр.

³⁾ П. С. Р. Л. IV, 145 стр.

чтобы гніеніе труновъ не произвело заразы, устроилъ «скудельницу у св. апостолъ» и выбралъ надежнаго пристава для погребенія труновъ, которыхъ оказалось 3030. ¹⁾ Въ 1338 году, когда сильное наводненіе разрушило волховскій мостъ, «дѣлаша мостъ новъ повелѣніемъ владыки Василя; самъ бо владыка присталъ тому и почалъ, и кончалъ своими людьми, и много добра сотвори христіаномъ». ²⁾ Послѣ пожара 1391 года новгородцы «взали у св. Софіи сребра 10,000 скопленія владыки Алексія архіепископа», ³⁾ конечно не безъ согласія тогдашняго владыки Іоанна. Иногда не дешево обходилась настырямъ ихъ заботливость о своей паствѣ. Владыка Василій умеръ на пути изъ зачумленнаго Пскова, куда его призвали пораженные бѣдствіемъ и видѣвшіе въ немъ единственную надежду жители. Умеръ-ли онъ отъ заразы, какъ думаютъ одни, или отъ истощенія силъ, какъ думаютъ другіе, подвигъ настыря, животь свой положившаго ради блага пасомыхъ, остается равно великимъ.

Д. Т.

(Продолженіе будетъ).

ГЕНВАРЬСКОЕ НОВОЛѢТІЕ *).

Сто девяностый разъ празднуетъ русская земля начало новаго года съ 1-го Генваря. Прежде начало новаго года праздновалось съ 1-го Сентября, и счетъ годовъ велся отъ сотворенія міра; но предъ наступленіемъ 1700 года государь Петръ 1-й узаконилъ по примѣру прочихъ Европейс-

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 46 стр.

²⁾ *ibid.* 78 стр.

³⁾ *ibid.* 233 стр.

^{*)} Воекрес. чт. ч. 32.

кихъ народовъ праздновать новолѣтіе 1-го Генваря и счетъ годамъ вести отъ Рождества Христова ¹⁾). Первое генварьское новолѣтіе государь отпраздновалъ съ полною торжественностію. Еще за 12 дней особымъ манифестомъ предписано было первое число приближающагося мѣсяца (1-е генваря 1700 года) встрѣтить торжественно, съ молебствіемъ, колокольнымъ звономъ, пушечною и ружейною пальбою, — чтобы всѣ поздравляли другъ друга «съ новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ»; а въ Москвѣ—тогдашней столицѣ русскаго государства—предписано было для украшенія улицъ и домовъ заготовить ельнику и подобныхъ зеленыхъ вѣтвей. —Еще на канунѣ новаго новолѣтія государь занялъ москвичей уборкою улицъ и домовъ заготовленными зелеными вѣтвями. Въ полночный часъ началось во всѣхъ церквахъ всенощное бдѣніе: поутру литургія, затѣмъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, съ испрашиваніемъ благословенія Божія на начавшійся годъ, съ многолѣтіемъ и колокольнымъ звономъ. Утреннее торжество было закончено пушечною пальбою и маршемъ войска съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ. Государь съ пріятною ласкою поздравлялъ всѣхъ съ новымъ годомъ и взаимное отъ всѣхъ принималъ поздравленіе. Потомъ

¹⁾ Съ принятіемъ Христіанской вѣры въ Россіи введено было церковное лѣтоисчисленіе съ мѣсяца Марта, какъ у Грековъ и Евреевъ, а гражданское—съ 1 Сентября—какъ у Римлянъ; во избѣжаніе неопредѣленности и разногласія въ празднованіи новолѣтія на Московскомъ соборѣ (1348 г.) при В. Князѣ Свмеонѣ Гордомъ и Моск. Митрополитѣ Феогностѣ было опредѣлено: Церковный и Гражданскій годъ начинать съ Сентября (Татищ. Рус. Ис. кн. 1 ч. 1 стр. 67) согласно опред. 1 Вселен. Собора, бывшаго въ Никей (325 г.), который установилъ новолѣтіе съ 1 Сент. въ воспоминаніе славной и знаменательной побѣды Константина Великаго надъ Максимціемъ (312 г.), какъ побѣды Христіанства надъ язычествомъ. Наша отечественная православная церковь и до нынѣ сохраняетъ древній обычай начинать новый годъ церковный съ 1 Сентября. Во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ мѣсяцесловы (святцы) начинаются съ 1 Сентября. Въ Миней мѣсячной и досель подъ 1 Сентября помѣщается служба Новому лѣту.

Государь угощалъ великолѣпнымъ столомъ, какъ знатныхъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ; а для народа выставлены были предъ дворцомъ и у трехъ нарочно устроенныхъ для сего случая триумфальныхъ воротъ различныя кушанья и чаны съ виномъ и пивомъ. Вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; кромѣ того, предъ дворцомъ и въ разныхъ частяхъ города сожжены были фейерверки съ великимъ множествомъ потѣшныхъ огней.

Такими пышными празднествами Петръ Великій считалъ нужнымъ ознаменовать начало новаго новолѣтія, чтобы пріучить своихъ подданныхъ къ новому лѣточисленію.— Съ тою же цѣлію, а можетъ быть и просто, уже по установленному обычаю, Петръ Великій, въ теченіе всего своего царствованія, гдѣ-бы ни находился—въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли, въ Жолнеѣ ли или въ Сумахъ, вездѣ праздновалъ 1-е генваря съ возможною торжественностію.— Вотъ какъ, напр., описываетъ историкъ дѣяній Петра Великаго новолѣтіе 1705 года: «первый день новаго 1705 года великій государь праздновалъ со всѣмъ великолѣпіемъ.—Божію службу слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, которую отправлялъ и потомъ проповѣдь говорилъ блюститель патриаршаго престола, рязанскій митрополитъ Стефанъ: при молебномъ пѣніи «Тебе Бога хвалимъ» произведена изъ всѣхъ пушекъ и мелкаго ружья трикратная пальба.—Обѣденнымъ столомъ угостилъ всѣхъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ во дворцѣ своемъ... До 7 числа генваря Монархъ многихъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ, обращаясь безъ наималѣйшихъ знаковъ величества, и, такъ сказать, на дружеской ногѣ». — Друзей своихъ, находившихся въ отсутствіи, государь письменно поздравлялъ съ новымъ годомъ, съ пріятными благожеланіями.— Таково напр., письмо къ Меншикову отъ 2 генваря 1708 года: «Прошу Господа, дабы, крови своей

ради при обрѣзаніи изліянной, даровалъ начатокъ пріятной купно и съ концемъ не точію лѣта, но и дѣла нашего.— Сямъ же новымъ годомъ, вчера наченимся, милости вашей поздравляю, и во имя Господне сіе число въ первыхъ къ вамъ пишу.»

Но что всего замѣчательнѣе въ Петровскомъ празднованіи генварьскаго поволѣтія, такъ это проповѣди митроп. Стефана Яворскаго, заканчивавшіяся добрыми пророчествами на наступающій годъ.— Мы имѣемъ подъ руками, въ рукописи, три проповѣди этого святителя на новый 1704, 1705 и 1706 годы.—Въ проповѣди на 1-е генваря 1704 года проповѣдникъ говоритъ: «велію утѣху усмотрѣваю, слышателие, на сей годъ четвертый (1704-й). Въдаете, яко четвертый годъ изобразуетъ литера добро (Д). Возложемъ убо на Бога надежду и упованіе, яко сему году добромъ изображаемому подасть всякое добро. Такжеде и въ цифирномъ числѣ четвертый сей годъ крестомъ пишется (4).—Знаменіе то есть, яко на крестѣ распятый отъ креста своего, нынѣшній годъ нечагѣющаго, дастъ благовѣрному царю нашему и всему православному воинству, якоже древле Константину, отъ креста побѣду и одолѣніе.» На новый 1705 годъ проповѣдникъ говоритъ: нынѣ уже начинаемъ лѣто сіе новое отъ Рождества Христова 1705.—Что убо о немъ пророчествовати будемъ? Пятый сей годъ пишется литерою Є.—Слава Богу: доброе его число, доброе знаменіе.—Вопросить кто въ сей годъ, о побѣдѣ?—а литера являетъ: есть. Вопросить кто о благораствореніи воздухъ и изобиліи плодовъ земныхъ?—есть. Вопросить кто о здравіи и благополучіи? литера являетъ: есть.—Годъ-бо сей пятый литера Є печатлѣеть.» Затѣмъ проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на пятеричное число буквъ въ именахъ: Іисусъ и Марія, и восклицаетъ: «то намъ буди утѣха на сей годъ настоящій! Пятый годъ отъ пято-

литернаго имени Исусъ начинается. Пятый годъ отъ пятолитернаго имени Марія защищается. Проповѣдь повривалась государю. — «Поздравляю новымъ годомъ», писалъ Петръ одному изъ своихъ вельможъ. — «Дай Богъ, чтобы о семь годѣ пророчество Яворскаго сбылось!» —

Наступаетъ новый, 1706 годъ и въ проповѣди м. Стефана является новое сближеніе. — «Шесть водоносовъ была въ Канѣ галилейской (говорить проповѣдникъ), въ нихъ же воду Христосъ Богъ нашъ въ вино претворилъ есть. Христе, Спасителю нашъ, призри милостивыхъ окомъ и на наши водоносы. — Се уже шесть лѣтъ, аки шесть водоносовъ, въ нихъ же вода многа вреднымъ смятеніемъ и бурей колеблется вода, о ней же псаломникъ къ Тебѣ гласить: на мнѣ преидоша гнѣви Твои, обыдоша мя яко вода. — Дай намъ убо Духа Твоего Святаго, молимся, — и всемогущею Твоею силою прегорькую сію мерру претвори въ сладкое вино, веселящіе сердца наши!» —

Чего бы намъ, по примѣру м. Стефана, пожелать нашимъ читателямъ на сей годъ, 1889-й? Дай, Боже, чтобы шли они къ вѣчному спасенію путемъ девяти блаженствъ евангельскихъ, дай Боже, чтобы сѣмя евангельской истины, скудно сѣемое нашею скудною рукою, приносило въ сердцахъ читателей добрый плодъ, если не стократный и шестидесятикратный, то по крайнѣй мѣрѣ девятикратный. —

Собесѣдованіе миссіонера Иеромонаха Арсенія въ Воронежской Духовной Семинаріи

(17 Нояб. 1888).

17 Ноября 1888 года въ актовомъ залѣ Воронежской Духовной Семинаріи происходило собесѣдованіе извѣстнаго

миссіонера Аѳонскаго Іеромонаха о. Арсенія ¹⁾), почти всю свою жизнь посвятившаго на изученіе Св. Писанія и святыхъ отеческихъ твореній по разбясненіи онаго. Бесѣда открылась иѣніемъ: Днесь благодать св. Духа насъ собра, исполненнымъ всѣми присутствовавшими. О. Арсеній въ началѣ бесѣды повелѣ рѣчь о тѣхъ приемахъ и о тѣхъ правилахъ, которыхъ необходимо держаться при собесѣдованіи съ сектантами. «Вы, такъ приблизительно началъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ, желаете узнать отъ меня что нибудь о врагахъ православія, о сектантахъ,—я съ любовью, Господу поспѣшествующу, расскажу вамъ, что знаю. Вамъ, какъ будущимъ пастырямъ Церкви, какъ защитникамъ православія, придется выступить на борьбу со врагами православія. Трудна эта борьба и требуетъ тщательной предварительной подготовки. Прежде чѣмъ выйти на поле брани нужно научиться воинствовать. Посмотрите на воиновъ. Еще за долго предъ тѣмъ, какъ вести битву, ихъ учатъ разнымъ военнымъ приемамъ, учатъ стрѣльбѣ, потомъ ведутъ на поле брани. Такъ и вамъ нужно сначала научиться владѣть мечомъ духовнымъ, а потомъ и сражаться.» Потомъ о. миссіонеръ указалъ на обязанность пастыря врачевать духовныхъ овецъ. «А какъ пастырь можетъ врачевать больвухъ, не зная ихъ болѣзни? Вѣдь и доктора сначала узнають болѣзнь, а потомъ приписываютъ лекарства.» И съ этой стороны, значитъ, необходима подготовка. Сказавъ о необходимости предварительной подготовки для борьбы съ сектантами, о. миссіонеръ повелѣ рѣчь о настроеніи, съ которымъ нужно вести бесѣды. Любовь,

¹⁾ На собесѣдованіи присутствовали: о. Ректоръ Семинаріи, инспекторъ, г.г. преподаватели и воспитанники 5 и 6 классовъ, какъ уже иѣсколько знакомые съ расколомъ и рационалистическими сектами. Собственно для нихъ, какъ будущихъ пастырей Церкви, какъ лицъ, которымъ придется встрѣтиться съ врагами православія, и состоялась бесѣда.

одна любовь къ заблудшимъ должна руководить собесѣдникомъ, ибо, по апостолу, только *любы созидаетъ*. (1 Кор. VIII. 1). Всѣ другія побужденія должны быть чужды защитника православія. Съ сектантами нужно обращаться особенно мягко и при томъ непременно, какъ равный съ равнымъ, забывая свой санъ и достоинство. «Кресты и ордена, замѣтилъ о. миссіонеръ, необходимо снимать. Обличеній и угрозъ слѣдуетъ избѣгать: они еще болѣе ожесточаютъ сектантовъ. Вести бесѣду необходимо хладнокровно, не горячась; горячность можетъ только повредить дѣлу».

Далѣе о. миссіонеръ сказалъ нѣсколько словъ о приемахъ бесѣды и въ частности о томъ, какъ вызвать сектантовъ на разговоръ и уличить ихъ въ принадлежности къ известной сектѣ. Приемъ дѣйствительно заслуживающій вниманія. Сектанты тайные, какъ напр. хлысты, часто уклоняются отъ собесѣдованій, не желая раскрывать своего ученія. Въ то-же время ихъ по виду, собственно говоря, нельзя отличить отъ православныхъ. Сектанты ходятъ въ Церковь, исполняютъ обряды, хоть и дѣлаютъ это только для видимости. Въ отличіе отъ православныхъ они не ѣдятъ мяса, хвалятся своимъ крайнимъ воздержаніемъ. Въ отличіе отъ православныхъ они называютъ себя «духовными христіанами», а всѣхъ другихъ язычниками. Вотъ это неупотребленіе миса и содержаніе неустановленныхъ Церковью постовъ и даетъ возможность о. миссіонеру *«опредѣлить» направленіе сектантовъ*. Ходъ начала бесѣды, по этому приему, можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ. В. Принадлежите ли вы къ православной Церкви? О. Принадлежимъ. В. Повинуетесь ли всѣмъ ея уставамъ и постановленіямъ? О. Повинуемся... Хорошо. Зачѣмъ же вы содержите посты, неустановленные Церковью и не ѣдите мяса? Церковь такихъ уставовъ не давала. Значитъ вы вводите свои уставы. Не повинуетесь Церкви. Какъ-

же вы называетесь православными? Значить у васъ есть особыя побужденія къ посту; какіе же и кто установилъ вамъ посты? Въ Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи нѣтъ ни слова о вашихъ постахъ. Кто вамъ ихъ заповѣдалъ? Сектанты волей не волей должны высказать свои основанія относительно поста и тѣмъ самымъ обнаружить свою принадлежность къ извѣстной сектѣ.

Другой приемъ можетъ быть представленъ такъ: В. Вы принадлежите къ православной Церкви? О. Принадлежимъ. В. Принадлежите значить къ христіанамъ, зачѣмъ же называете себя духовными христіанами? Развѣ по вашему мы не христіане, а язычники. Если такъ, то какъ же вы принадлежите къ православной Церкви? Значить, вы составляете какую то особую Церковь, — Церковь «духовныхъ христіанъ». Почему вы выдѣлились изъ Церкви и на какихъ началахъ основали свое общество? Сектанты поставлены въ необходимость отвѣтить на данный вопросъ и начать собесѣдованіе. Оба приема очень полезны при веденіи собесѣдованій съ сектантами. Такія вещи дѣйствительно не мѣшаетъ запомнить каждому священнику.

Говоря о правилахъ и приемахъ веденія бесѣды, о. миссіонеръ замѣтилъ, что нужно особенно остерегаться отвѣчать сектантамъ на ихъ вопросъ словами: «на это нѣтъ указаній въ Священномъ Писаніи». Этимъ можно принести вредъ не только своему дѣлу обращенія, но и произвести соблазнъ среди православныхъ. Кромѣ того этотъ отвѣтъ можетъ поставить въ затрудненіе другаго слѣдующаго защитника православія. Если онъ отвѣтитъ на тотъ же вопросъ текстомъ изъ Священнаго Писанія, то сектантъ можетъ сказать ему: «какъ же ты отвѣчаешь мѣстомъ изъ Писанія, коли вотъ тотъ то сказалъ, что на это отвѣта въ Писаніи нѣтъ».

Далѣе о. миссіонеръ повелъ рѣчь вообще о сектантахъ.

Всѣ, отдѣлившіеся отъ православной Церкви, по его мнѣнію, раздѣляются на двѣ группы: раскольниковъ—старообрядцевъ и иконоборцевъ.

Раскольники старообрядцы въ свою очередь раздѣляются на мелкія секты. Иконоборцы также раздѣляются на нѣсколько сектъ:—штундистовъ, молоканъ, хлыстовъ и проч. Всѣ эти секты разъѣдаютъ тѣло церковное; распложаются годъ съ годомъ и серьезно угрожаютъ православію. О. Миссіонеръ очень мѣтко назвалъ эти секты чахоткою Церкви. Пастыри Церкви должны приложить всѣ свои силы на борьбу съ врагами. Иначе въ одно прекрасное время рискуютъ остаться безъ овецъ. Въ образованіи и распространеніи иконоборческихъ сектъ, по мнѣнію о. миссіонера, отчасти виноваты и сами православные. Равнодушіе къ обрядамъ Церкви, къ богослуженію, къ почитанію святыхъ—характеристическая черта нашего времени.

Это равнодушіе и даетъ пищу иконоборческимъ сектамъ. «Иконоборцевъ въ православной Церкви еще болѣе, чѣмъ иконоборцевъ—сектавтовъ.» Тѣмъ-то и опасны иконоборческія секты, что они находятъ уже готовую почву для своего произрастанія и развитія. Въ противовѣсъ этимъ сектамъ нужно и въ себѣ и въ народѣ развивать уваженіе къ Церкви, Ея постановленіямъ и обрядамъ, уваженіе къ святымъ иконамъ, къ мощамъ и проч.

«Какъ видите, продолжалъ далѣе о. миссіонеръ, много сектъ; мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами о каждой изъ нихъ. Но я, право, не знаю, на что рѣшиться, о какой заговорить». О. миссіонеръ рѣшился бесѣдовать о сектѣ хлыстовской, какъ пиѣющей своихъ послѣдователей въ Ворон. губ. Хлысты называютъ себя различно: духовными христіанами, постниками, богомилами и проч. Но всѣ держатся одинаковыхъ мнѣній. Отличительная черта хлыстовъ—неупотребленіе мяса и посты. Различныя наставники устанавливаютъ

различныя посты и разрѣшаютъ различныя роды пищи. Одни позволяютъ ѣсть картофель, лукъ, чеснокъ, пить чай; другіе запрещаютъ, повторяя вмѣстѣ съ раскольниками: кто пьетъ чай, тотъ отдаляется отъ Христа; картофель—богомерзкое зелье; бѣсовское растеніе и проч.

По продолжительности посты хлыстовъ различны: одни продолжаютъ семь дней, другіе двѣнадцать, третьи сорокъ дней. Самый обыкновенный постъ въ семь дней; семикъ несутъ, говорятъ хлысты; постъ въ двѣнадцать дней для полученія дара пророчества; постъ въ сорокъ дней—самый рѣдкій постъ—съ цѣлю полученія духа Христова. Хлысты удерживаются отъ брачнаго сожитія. Браки иногда совершаютъ въ Церкви, а иногда вовсе проводятъ жизнь безбрачную. Дѣтей, которыя рождаются послѣ брака, называютъ обыкновенно маленькими грѣшками. Поэтому своихъ дѣтей у нихъ почти и нѣтъ. Обыкновенно хлысты принимаютъ чужихъ дѣтей на воспитаніе. Считая грѣхомъ чадородіе, хлысты читаютъ едва не добродѣтельно нарушеніе Богодарованной первымъ людямъ заповѣди: раститесь и множитесь а также и грѣхъ, упоминаемый въ 38 гл. 9 ст. книги Бытія.

Въ своей жизни хлысты, по видимому очень благочестивы. Никакія, даже самыя невинныя и обыкновенныя удовольствія не допускаются у нихъ. Въ гости, на именины, крестины и проч. они вовсе не ходятъ. Молодыхъ царней и дѣвокъ хлыстовъ на улицѣ не встрѣтишь. Это народъ на себѣ самомъ сосредоточенный.

Хлысты, какъ извѣстно, для видимости ходятъ въ Церковь и исполняютъ церковныя обряды, но собираются и сами собою на свои радѣнія. Такъ называются богослуженія хлыстовскія. Радѣнія—различны. На однихъ только читаютъ Писаніе и поютъ гимны, на другихъ происходятъ плясанія, скаканія для полученія духа пророчества и наконецъ

третьи — самые рѣдкія радѣніи, которыя кончаются «свальнымъ грѣхомъ».

Преподаватель А. П. предложилъ о. миссіонеру вопросъ о томъ, какъ сектанты относятся къ православнымъ и каковъ ихъ вѣдшій бытъ.

По отношенію къ православнымъ замѣтилъ о. миссіонеръ хлысты стоятъ особнякомъ, не входятъ съ ними въ особенно близкія сношенія. Православныхъ, живущихъ среди хлыстовъ, если хлыстовъ большинство, обыкновенно переселяютъ. О. миссіонеръ рассказалъ, какъ хлысты одной деревни заставили православныхъ перебраться на другую улицу, купивъ у нихъ дома. По словамъ о. миссіонера хлысты стараются вездѣ притѣснять православныхъ, осыпая ихъ насмѣшками, часто кощунственно относясь къ самымъ священнымъ установленіямъ церковнымъ. И во вѣдшнемъ быту сектанты — хлысты разнятся отъ православныхъ. Дома у нихъ построены во дворѣ. Дворъ обнесенъ высокою плотной оградой. Ворота всегда затворены и на занорѣ. Ничего не видно, что дѣлается на дворѣ. Ставни на окнахъ дѣлаются плотные, съ желѣзными болтами. Въ домахъ, предназначенныхъ для радѣній, кромѣ главной двери дѣлается нѣсколько другихъ дверей, на первый взглядъ незамѣтныхъ. О. Арсеній рассказываетъ, какъ онъ былъ при слѣдствіи въ одномъ селѣ и осматривалъ хлыстовскія жилища. Устройствомъ они очень похожи на дома бѣгуновъ — пристаподержателей. У хлыстовъ есть свои Христы и Богородицы, въ каждомъ хлыстовскомъ обществѣ есть свои пророчицы.

Эти лица пользуются величайшимъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ. Хлысты молятся на своихъ Христовъ и богородицъ. «Протянетъ, говоритъ о. Арсеній, какойнибудь лжехристъ руки, а они вокругъ него пляшутъ, падаютъ предъ нимъ ницъ и на колѣни».

И въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно выгодно быть Христомъ или богородицей. Поэтому каждый Лжехристъ и всякая богородица стараются унижить другихъ Христовъ и богородицъ.

«Съѣдутся иногда, рассказываетъ о. Арсеній, хлыстовскіе христы и начнутъ препираться другъ съ другомъ. Ты не Христось, ты антихристъ, кричитъ одинъ. Штъ ты антихристъ, — я Христось, и пойдутъ другъ подъ друга точать, кто что знаетъ.»

Особенно изобрѣтательны на этотъ счетъ богородицы. Онѣ прибѣгаютъ къ разнообразнымъ уловкамъ, чтобы выисаться въ хлыстовскомъ мірѣ. Но все обыкновенно хватаются за рай и стараются устроить его, какъ можно оригинальнѣе. О. Арсеній рассказывалъ про одну извѣстную во всемъ хлыстовскоаъ мірѣ богородицу Тамб. губ. Она устроила у себя въ домѣ рай. Для этого отдѣлила особую маленькую комнатку. Вынесла роскошныхъ цвѣтовъ изъ Москвы и Петербурга и убрала ими жилище. Уловка удалась. Слава о матушкѣ—богородицѣ Анфисѣ Евдокимовнѣ распространилась почти по всей Россіи. Со всехъ сторонъ начали съѣзжаться хлысты на поклоненіе богородицѣ. Не обходилось тутъ и безъ жертвованій въ пользу рая и богородицы. «Къ сожалѣнію, говорилъ о. миссіонеръ, мнѣ не пришлось видѣть этого рая. Когда я пріѣхалъ, цвѣты уже были убраны и рай превратился въ адъ. Богородица отравлена была, куда слѣдуютъ.»

О. Миссіонеръ обратился къ воспитанникамъ и просилъ ихъ дать ему нѣсколько вопросовъ или по крайней мѣрѣ намѣтить, о чемъ болѣе всего желаютъ они слышать. «Догматическое ученіе хлыстовъ, говорилъ онъ, обширно. Въ короткое время всего не расскажешь. Кто желаетъ съ нимъ познакомиться подробнѣе, можетъ обратиться къ моимъ сочиненіямъ.»

Воспитанниками было предложено нѣсколько вопросовъ,

касающихся оснований перевоплощения и нѣкоторыхъ выраженій, повидимому, благопріятствующихъ хлыстовскому мнѣнію о перевоплощеніи. На всѣ вопрсы о. миссіонеромъ даны были дов. обстоятельные отвѣты.

I. На чемъ основывается ученіе хлыстовъ о перевоплощеніи? О. миссіонеръ указаль на IV гл. 19 ст. посланія къ Галатамъ: *«Чадца моя, ими же паки болъзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.»* Текстъ простой и не заключаетъ въ себѣ мысли о перевоплощеніи. Но таково свойство малоразвитаго человѣка, что онъ ищетъ основанія для своего предубѣжденнаго взгляда не въ мысли текста, а во внѣшнемъ слововыраженіи. Образованный человѣкъ для уразумѣнія истиннаго смысла можетъ обратиться къ греческому подлиннику; можетъ сравнить различные переводы и уловить правильный смыслъ.

Но имѣя дѣло съ народомъ необразованнымъ, православный миссіонеръ, къ сожалѣнію не можетъ употреблять этого приѣма защиты. А между тѣмъ почти всѣ раскольническія и сектанскія доказательства основаны на отрывочномъ изъясненіи и прямою часто искаженіи текстовъ, которые они толкуютъ по своему малому разумѣнію, упорно отказываясь отъ руководства Богопросвѣщенныхъ мужей. Но обратимся къ отвѣту о. Арсенія. Въ четвертой главѣ посланія къ Галатамъ Ап. Павелъ говоритъ въ II ст. *«боюся о васъ, еда како всуе трудихся о васъ»*. Апостоль боится, чтобы христіане не удалились отъ общества христіанскаго и не послѣдовали за лжеучителями (ст. 17). Вступленіе язычниковъ въ Церковь христіанскую было для нихъ вторымъ рожденіемъ. Апостоль, привлечшій ихъ въ Церковь, какъ бы *рождалъ ихъ о Христѣ*, какъ онъ самъ говоритъ въ посланіи къ Боринѣ. IV гл. 15 ст. Это рожденіе такъ-же сопровождалось муками со стороны Апостола. Подобно родильницѣ, которая

готовится предъ родами на смерть, и Апостолы были *яко насмертники* (1 Кор. IV; 9 ст.). Потому Апостоль боится, какъ бы ему не пришлось родить во второй разъ Галатовъ, удалившихся отъ Церкви. Въ 19 стихѣ сохраняется тотъ же образъ родильницы и дитяти. Родильница носить дитя, пока оно не сформируется окончательно. Ношеніе это сопряжено съ тягостью и болѣзнью. И Апостоль, какъ бы носить христіанъ подъ сердцемъ, подобно родильницѣ, пока они *младенцы о Христѣ*, не имѣющіе въ себѣ образа Христова, постепеннымъ совершенствованіемъ мало по малу стануть уподобляться Христу, и наконецъ сформируются *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова*, до тѣхъ поръ, значить, пока Христось не отобразится въ нихъ, пока вѣрующіе не будутъ подобны Христу.

Ссылаются хлысты еще, по словамъ о. Арсенія на 1-е посланіе Іоанна IV, 2 и 3 ст. *Всякъ иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, сей есть антихристовъ*. Но здѣсь говорится только о томъ, кто не признаетъ догмата воплощенія, а не видимаго, современнаго, если можно такъ выразиться, Христа. Говорится здѣсь о еретикахъ докетахъ, которые дѣйствительно не признавали Іисуса Христа во плоти пришедша, а приписывали Ему призрачную плоть. При томъ нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы во времена Іоанна Богослова былъ Христось въ смыслѣ хлыстовскомъ. Лжехристы были, какъ объ нихъ предсказалъ Христось. Скажутъ вамъ, говорить онъ, здѣ Христось или ондѣ, — не имите вѣры (Мѣ. 24; 23). Кому же вѣрить: хлыстамъ ли или Спасителю, ученіе Котораго они признаютъ и на немъ основываются. Дѣйствительно у хлыстовъ, что ни корабль—Христось. И на Дону Христось и въ Тамбовской губерніи Христось Гдѣ-же настоящий то Христось? Не имите вѣры...

II. Какъ объяснить слова изъ канона на Рождество Христово: «Христось рождается»? Нѣтъ ли здѣсь указанія на хлыстовскій догматъ о перевоплощеніи.

О. миссіонеръ, не вдаваясь въ грамматическія тонкости, прибѣгъ вмѣсто этого къ чисто діалектическому приему. Каждую службу, говорилъ онъ, повторяется: Христось воскресъ; ужелижъ каждый день воскресаетъ Христось? Въ церковной пѣсни употребляется это для прославленія Христа, какъ и дальше говорится: Христось рождается, славите! Въ церковной пѣсви на Воздвиженіе Христово и на Крестопоклонной недѣлѣ въ постъ поется о Христѣ: *«вѣнцемъ отъ тернія облагается, заушается брэнною рукою, одеждою поруганія облачается»* (стих. 7. кр. 8 гл.) На утрени въ Великую Пятвицу поется: «днесь Іуда бываетъ предатель (ант. послѣ 1-го Еванг.). Едва ли приложимы къ хлыстовскимъ христамъ слова этихъ церковныхъ пѣсней, какъ-бы ни старались они изъяснять въ свою пользу слова: «Христось рождается».

III. Какъ понимать слова: *«аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его; и къ Нему приидемъ и обитель у Него сотворимъ?»* Не подтверждаютъ ли эти слова догматъ о перевоплощеніи? Каковъ ихъ смыслъ? — Кто соблюдаетъ заповѣди Христовы, *тотъ*, говорится, *духа Христова имѣетъ и есть Еговъ* (Рим. VIII, 9). Кто любитъ Христа, тотъ старается поступать такъ, какъ угодно и пріятно Господу. Въ такого человѣка какъ бы вселяется Христось и управляетъ всѣми его поступками и мыслями. Вотъ что означаютъ эти слова. Въ нихъ, очевидно, нѣтъ и намека на догматъ о перевоплощеніи.

а) Хлыстовъ сбиваетъ съ толку слово «обитель», отъ него они заключаютъ къ перевоплощенію. Но въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія еще яснѣе говорится: «не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живеть въ васъ (1 Кор.

III; 16). Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, его же имате отъ Бога и вѣсте свои (1 Кор. VI; 19). Посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша вопіюща: Авва Отче (Гал. IV; 6). Нельзя-ли изъ этихъ текстовъ, если толковать ихъ въ смыслѣ хлыстовскомъ, вывести небывалое еще ученіе о воплощеніи Святаго Духа? Здѣсь есть такъ-же и слово «храмъ» равносильное слову «обитель», здѣсь также Духъ Святой нисходитъ въ сердца наша. Тутъ даже болѣе говорится: *итсте свои*. Смыслъ этихъ текстовъ совершенно одинаковъ съ смысломъ 23 ст. XIV гл. И тамъ и здѣсь говорится о благодати Божіей, которая помогаетъ человѣку на пути спасенія.

б) Далѣе въ 23 ст. XIV гл. говорится: «придемъ къ тому, кто слово Христово *соблюдетъ*. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ хлысты соблюдаютъ слова Спасителя. Христось говорить: аще кто речеть вамъ: се здѣсь Христось или овдѣ; не имите вѣры; возстануть бо лжехристы и лжепророцы. Се прежде рѣхъ вамъ. Аще убо рекутъ вамъ: се въ пустыни есть, не изыдите; се въ сокровищахъ, не имите вѣры (Мѣ. XXIV; 23—27). А между тѣмъ хлысты, не вѣря словамъ Спасителя, имуть вѣру тѣмъ, которые говорятъ, что Христось *въ сокровищахъ* (въ сокровенныхъ мѣстахъ).

Соблюдаютъ ли они слова Спасителя? Очевидно нѣтъ. А между тѣмъ соблюденіе это —необходимое условіе, чтобы обитель въ нихъ духъ Христовъ.

IV. Какъ объяснить плясанья царя Давида предъ ковчегомъ. Хлысты ссылаются на нихъ въ оправданіе своихъ плясаній на радѣніяхъ. Но плясаніе Давида и плясанія хлыстовъ совершенно различны и по происхожденію и по цѣли. Плясанія Давида были слѣдствіемъ религіознаго восторга, охватившаго поэтическую, впечатлительную душу Давида. Они явились сами собою безъ всякой цѣли. Явились такъ-же, какъ

является улыбка на лицѣ довольнаго или обрадованнаго человека. Хлыстовскія плясанія совсѣмъ другаго свойства. Они не слѣдствіе религіознаго восторга, а искусственная мѣра для нервнаго возбужденія. Цѣль этихъ плясавій—накатываніе духа. Кто сумазброднѣе пляшетъ, на того, значить, больше накатываетъ духъ.

Далѣе о. миссіонеру были предложены слѣд. вопросы: что влечетъ православныхъ въ хлыстовскую секту, что въ этой сектѣ обаятельнаго и какъ совершается хлыстовская пропаганда?

«Хлысты всѣми правдами и неправдами, сказалъ о. миссіонеръ, стараются завлечь православныхъ въ свой корабль. Ученіе свое пропагандируютъ они чрезвычайно хитро. Къ мущинамъ обыкновенно посылаютъ искусныхъ, красивыхъ женщинъ, къ женщинамъ мужчинъ; бѣднымъ обѣщаютъ матеріальную помощь; если всѣ эти мѣры не окажутъ дѣйствія, прибѣгаютъ къ насилию. Хлысты сзумѣютъ такъ подвести упорнаго, что ему, какъ говорится, некуда повернуться. Введутъ его въ неоплатные долги, разорятъ въ конецъ и потомъ говорятъ: ну теперь ты нашъ—не отвертисься.» Много помогаетъ, по словамъ о. миссіонера, и бѣсовская сила. О. Арсеній рассказывалъ про одну женщину, на которую никакъ не накатывалъ *духъ*. Что—что ни дѣлали, ничего не выходитъ; не пляшетъ, да и только. Наконецъ богородица позвала ее къ себѣ. «Разинь ротъ.» Та разинула. Богородицадохнула ей въ ротъ и женщина закружилась, запрыгала. О. миссіонеръ указывалъ еще на «свальный грѣхъ», какъ на приманку православныхъ. Вотъ какія указалъ о. миссіонеръ причины быстрого распространенія хлыстовской секты. Но не въ этомъ конечно одномъ сила обаятельности хлыстовской секты. Въ самомъ дѣлѣ, если бы только такой или иной способъ пропаганды и «свальный грѣхъ» привлекали право-

славныхъ въ хлыстовскую секту, тогда хлыстовство немогло бы похвалиться такими яркими приверженцами, какими обладаетъ теперь. Въ первомъ случаѣ, когда проагандируетъ ученіе лицо другаго пола, предполагается увлеченіе не сектою или ея ученіемъ, а проагандистомъ или проагандисткою. Слѣдовательно, любви къ сектѣ, искренняго убѣжденія не можетъ быть. Въ второмъ случаѣ, когда въ корабль привлекаютъ насильно, тоже не можетъ быть любви къ сектѣ и убѣжденія. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, когда переходить въ хлыстовскую секту изъ за «свальнаго грѣха» еще менѣе можно ожидать отъ послѣдователей ревности по вѣрѣ. Да и захочетъ ли плотскій человѣкъ изъ за одного чувственнаго удовольствія подвергаться многимъ другимъ неудовольствіямъ: посту, всегдашнему воздержанію отъ мяса и проч.? Въ такомъ случаѣ хлыстовство представляло бы изъ себя общество людей, соединенныхъ не единствомъ цѣли и убѣжденія, а сложенныхъ чисто механически. Долго ли просуществовало бы такое общество? А между тѣмъ, видимъ мы, хлыстовство жило и живетъ, пустило изъ себя много вѣтвей и продолжаетъ распространяться по всѣмъ почти губерніямъ. Очевидно, кромѣ означенныхъ причинъ, нужно искать какихъ нибудь болѣе важныхъ. Думается, что причины эти кроются въ обаятельномъ дѣйствіи хлыстовскихъ плясаній. Исторія всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуешь, что пляски входили, какъ существенныя части, въ богослуженія почти всѣхъ народовъ. У Грековъ и Римлянъ, у Индійцевъ и Финиціянъ, у американскихъ дикарей пляска составляла часть богослуженія. Въ Библии разсказывается, какъ жрецы Ваала плясали и били себя. Въ средніе вѣка въ прирейнскихъ провинціяхъ тоже встрѣчаемъ дикую пляску и бичеваніе. У сибирскихъ туземцевъ видимъ пляски шамановъ. И наконецъ въ настоящее время встрѣчаемъ употребленіе плясокъ у хлыстовъ и ска-

куновъ. Чѣмъ-же объяснить такое широкое развитіе пляски? Что въ ней обаятельнаго? Движенія въ тактъ (а такова и есть пляска) дѣствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ; возбужденіе нервовъ передается мозгу. Мысль начинаетъ работать быстрѣе и весь человѣкъ оживляется. Стоитъ только ускорить движенія и продолжить ихъ довольно долго,—а это и бываетъ въ религіозныхъ пляскахъ,— нервы достигнутъ высшей степени напряженія, мысли будутъ пробѣгать съ чрезвычайною быстротою, сознание постепенно притупляется, затемняется и человѣкъ впадетъ въ состояніе опьяненія и безсознательно издаетъ двусмысленныя, а иногда и совсѣмъ бессмысленныя слова и звуки. «Въ этотъ моментъ пакаты-ваетъ, по мнѣнію хлыстовъ, духъ на человѣка.»

Отсюда видно, что движенія и пляски играютъ такую же роль при чрезмѣрномъ возбужденіи человѣка какъ, наприм , опиумъ, хашишъ и другія наркотическія средства. Отсюда же можно заключать, почему пляски употреблялись и употребляются при богослуженіяхъ и у шамановъ. Люди старались возбуждать себя, думая, что при чрезмѣрномъ возбужденіи входятъ въ общеніе съ божествомъ. А пляски, какъ нельзя лучше, способствовали этому возбужденію. Организмъ, разъ возбужденный, опять требуетъ возбужденія тѣмъ же способомъ. При вторичномъ возбужденіи требованіе бываетъ сильнѣе и въ концѣ концовъ переходитъ въ страсть къ возбужденію организма извѣстнымъ способомъ. Такъ образуется страсть къ пьянству, къ куренію опиума; такъ же образуется и страсть къ пляскамъ. Кто привыкъ плясками возбуждать свой организмъ, тому довольно трудно отвыкнуть отъ этого. Пляска, какъ уже сказано, составляетъ существенную часть хлыстовскаго богослуженія. У хлыстовъ эта пляска обращается въ страсть и связываетъ ихъ съ сектою неразрывными узами. Хлыстъ, оставляя хлыстовское общество, тоскуетъ, ну-

дится, какъ говорить о. Арсеній. Это значитъ, что организмъ его требуетъ обычнаго возбужденія. Даже, если хлысть находится въ отлучкѣ, то и тогда въ урочный часъ радѣній, по словамъ о. миссіонера, начинается и бѣсновать-ся. Это значитъ, что пришло то время, когда хлысть плясками возбуждалъ свой организмъ, и страсть заговорила. Вотъ это-то вліяніе пляски на хлыстовъ и привлекаетъ ихъ къ кораблю все равно, какъ возбужденіе доставляемое рюмкою водки привлекаетъ къ ней пьяницу. Потому насадитель хлыстовства для большей привлекательности своего ученія и положилъ въ основаніе своей секты развитіе страсти.

С. П—линъ.

† Федоръ Ивановичъ Піуновскій.

Перваго декабря истекшаго (1888) года Воронежская духовная семинарія понесла тяжелую утрату: утромъ означеннаго числа преждевременно скончался 30^{1/2} лѣтъ преподаватель Церковной исторіи Ѳ. И. Піуновскій. Сынъ священника Калужской губерніи, Мосальскаго уѣзда, села Сильковичей покойный еще въ дѣтскомъ возрастѣ до поступления въ школу лишился отца, оставшись на попеченіи вдовы матери, окруженной большимъ семействомъ, состоявшемъ преимущественно изъ дочерей. Поступивъ въ Калужское духовное училище, потомъ въ Калужскую семинарію мальчикъ сирота обнаружилъ блестящія дарованія. Какъ обладавшій хорошимъ голосомъ и вуждавшійся въ матеріальной поддержкѣ, онъ былъ принятъ въ число пѣвчихъ архіерейскаго хора. По отзывамъ знавшихъ покойнаго съ дѣтства, воспитанникъ Ѳ. Піуновскій стоялъ, какъ говорятъ обыкновенно, головой выше своихъ товарищей однокурсниковъ, пользовался вниманіемъ школьнаго

начальства и преподавателей, какъ даровитый, аккуратный и благоправный ученикъ, а у своихъ сверстниковъ почитался добрымъ товарищемъ. Пѣвчество не было помѣхой для воспитанника Піуновскаго ни въ отношеніи школьныхъ занятій, ни въ отношеніи благоповеденія. Правда воспитанникъ Піуновскій, занимавшій во все время ученья первыя мѣста въ спискѣ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ не рѣдко встрѣчающихся между лучшими учениками замкнутыхъ неподвижныхъ натуръ, для которыхъ не существуетъ иного міра, кромѣ міра книгъ и тетрадей, ни какихъ развлеченій, кромѣ чтенія и сосредоточеннаго расхаживанья по саду или улицѣ. Хотя Піуновскій любилъ книжное чтеніе, съ усердіемъ и увлеченіемъ прочитывалъ многое и тѣмъ расширялъ свой умственный кругозоръ, но не посвящалъ этому дѣлу весь свой досугъ. Свѣжая память и даровитая натура давала ему возможность успѣвать воюду, а подвижной сангвиническій темпераментъ не мирился со скучнымъ однообразіемъ сидячей жизни, потому что жизнь въ немъ такъ сказать была ключемъ. При всемъ томъ духъ религіозности и строгой нравственности, царившей въ тихой семейной атмосферѣ отца Федора Ивановича, благочестиваго сельскаго священника и его достойной супруги и прочно укоренившійся въ душѣ Федора Ивановича еще въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастѣ, сдерживалъ воспитанника Піуновскаго отъ крайнихъ непозволительныхъ увлеченій молодой подвижной организациі. Федоръ Ивановичъ еще воспитанникомъ любилъ церковное богослуженіе и не въ его характерѣ было уклоняться отъ исправнаго посѣщенія церковныхъ службъ, тѣмъ болѣе, что по спаденіи первоначальнаго дѣтскаго голоса и выходѣ изъ архіерейскаго хора воспитанникъ Піуновскій былъ принятъ въ семинаріи на казенное содержаніе и, какъ знатокъ нотнаго пѣнія, сдѣлался регентомъ втораго семинарскаго хора. По окончаніи семинарскаго курса

студентъ Калужской семинаріи Ѳ. Піуновскій отправился въ августѣ 1879 года съ рекомендаціей семинарскаго начальства въ С.-Петербургъ для продолженія образованія въ тамошней духовной академіи, куда, послѣ обычныхъ повѣрочныхъ экзаменовъ, поступилъ въ первомъ пяткѣ, почему и былъ принятъ на казенное содержаніе. Но здѣсь вскорѣ же случилось съ нимъ крупное несчастіе. 30-го августа того же (1879) г., въ праздникъ Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго только что принятый въ академію студентъ Піуновскій собрался съ другими студентами калужанами съѣздить на Петербургскую сторону и побывать въ первый разъ у нѣкоторыхъ земляковъ духовнаго и свѣтскаго званій, служащихъ въ С.-Петербургѣ, чтобы съ ними познакомиться. Какъ провинціалъ малознакомый съ ѣздой по конно желѣзнымъ дорогамъ и не имѣвшій сноровки Петербургскаго жителя, Ѳедоръ Ивановичъ замедливъ нѣсколько сборами и не поспѣвъ уйти изъ академіи вмѣстѣ съ своими спутниками, по ихъ же указанію, торопливо направился къ Литейному Проспекту, рассчитывая на тихомъ ходу сѣсть въ одинъ изъ вагоновъ, полныхъ пассажирами по случаю праздника и ѣхавшихъ въ ту же сторону, куда отправились академическіе товарищи; но при неумѣлой посадкѣ на ходу, по случаю тѣсноты, оборвался, не удержавшись на ступенькахъ лѣстницы, упалъ на мостовую улицы, причемъ правая рука попала подъ колесо вагона и Ѳедору Ивановичу раздробило всю правую кисть. Замертво поднятый несчастный студентъ академіи тотчасъ же былъ отправленъ въ Маріинскую больвицу, гдѣ врачи нашли нужнымъ поскорѣе отнять ему руку почти по локоть, чтобы предупредить поврежденіе антоновымъ огнемъ и неминуемую смерть. Сильно потрясло, можно сказать убило Ѳедора Ивановича это несчастіе и физически и психически. Впечатлительный отъ природы онъ буквально рыдалъ о своей горькой судьбинѣ, когда очутился

съ одной лѣвой рукой. Отъ одной тоски и горя едва ли поднялся бы онъ съ постели, еслибы не нашлись добрые люди, которые поддержали его матеріально и нравственно. Изъ этихъ людей покойный въ особенности много обязанъ тогдашнему достопочтенному о. Ректору С.-Петербургской духовной академіи (нынѣ Протоприсвитеру и духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ) Іоанну Леонтьевичу Янышеву, затѣмъ И. Д. Делянову, теперь графу и Министру Народнаго просвѣщенія и нѣкоторымъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ, о которыхъ покойный всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ. О. Ректоръ академіи Янышевъ на утро же (несчастіе случилось 30 къ вечеру) явился въ больницу съ словомъ утѣшенія; ободряя горько плакавшаго несчастнаго студента, тронутый самъ до глубины своей доброй души и съ трудомъ сдерживаясь отъ слезъ Іоаннъ Леонтьевичъ всею силою своего краснорѣчія убѣждалъ несчастнаго студента не предаваться малодушному отчаянію, уповать на помощь всемогущей благодати Божіей, *въ немощи совершающейся* (2 Кор. XII, 9), приводилъ многія утѣшительныя изреченія Слова Божія, ссылаясь на разные факты изъ исторіи, хорошо знакомые ему, въ подтвержденіе, что и съ болѣе ощутительными, чѣмъ отсутствіе правой руки, физическими недостатками находились люди, прожившіе вѣкъ свой не безъ пользы для послѣдующихъ поколѣній и оставили послѣ себя цѣлыя томы учено-литературныхъ трудовъ и т. д. Лишь послѣ долгой бесѣды почтенный начальникъ академіи оставилъ комнату Федора Ивановича, но едва вышелъ на корридоръ, какъ самъ облился слезами, такъ что больничныя служанціе почли его за роднаго отца Федора Ивановича и не мало удивились, когда узнали, что это былъ извѣстный всему Петербургу Протоіерей І. Л. Янышевъ, законоучитель Его Высочества, Наслѣдника Цесаревича. И это было не единственное посѣщеніе. Иногда самъ Іоаннъ Леонтье-

евичъ, большею частію кто нибудь изъ квартиры его едва не каждый день навѣщали больницу, справлялись о ходѣ леченія и приносили больному какія нибудь приложенія. Незамедлилъ удостоить Ѳ. Ивановича своимъ посѣщеніемъ и вывѣшной Министръ Народнаго Просвѣщенія, который, между прочимъ, исколоталъ больному гуттаперчевую руку, довольно дорогую, приспособленную для пошенія взаимнѣв отнятой. И другія высокопоставленныя лица, посѣщавшія Маріинскую больницу, не оставляли своимъ особеннымъ вниманіемъ несчастнаго студента академіи. Драгоценно было для Ѳ. Ивановича это вниманіе высокыхъ посѣтителей и ихъ обѣщанія, не оставлять его своимъ содѣйствіемъ! Понялъ Ѳедоръ Ивановичъ, что онъ не брошенный калѣка, невужный ни кому, но что, не смотря на потерю руки, можетъ сдѣлаться полезнымъ членомъ общества, кормить не только себя, но помогать впослѣдствіи и бѣднымъ роднымъ своимъ. Не оставили Ѳедора Ивановича своимъ участіемъ и его добрые товарищи студенты. Они часто являлись въ больницу, по долгу бесѣдовали съ нимъ, утѣшали, развлекали его, приучали его писать лѣвой рукой, а по выздоровленіи, случившемся мѣсяць спустя послѣ несчастія, освободили на всегда отъ очередной записи профессорскихъ лекцій и другихъ письменныхъ работъ коллективнаго характера, даже помогали ему въ перепискѣ на первыхъ порахъ, доколѣ Ѳедоръ Ивановичъ не напрактиковался владѣть и писать лѣвой рукой. Поддержанный такимъ участіемъ со стороны лицъ высокопоставленныхъ и со стороны товарищей Ѳ. Ивановичъ принялся за ученіе въ академіи, записавшись на Церковно-историческое отдѣленіе, ¹⁾ по которому и кончилъ

¹⁾ До 1884 года въ академіяхъ существовали три отдѣленія: Богословское, Церковно-Историческое и Церковно-практическое; основныя науки академическаго курса: Св. Писаніе, Основное Богословіе, науки философскія, классическіе языки и одинъ

успѣшно академическій курсъ въ 1883 году со степенью Кандидата Богословіи, съ правомъ на преподаваніе въ семинаріи и съ правомъ магистранта, съ правомъ т. е. при соисканіи степени Магистра, не держать новаго устнаго испытанія, въ каковой степени и правахъ и утвержденъ Высокопреосвященнымъ Исидоромъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ 25 мая того же года. Сочиненіе, за которое Ѳ. Иванычу присуждена степень кандидата, писано имъ на тему: «Архіепископъ Теофілактъ и Болгарская церковь его времени», которое по отзыву ординар. профессора И. Е. Троицкаго, признано для степени кандидата *вполнѣ* удовлетворительнымъ ²⁾. Въ томъ же 1883 году 29 Іюля кандидатъ С.-Петербургской дух. академіи Ѳ. Піуновскій приказомъ Г-на Оберъ-Прокурора Св. Синода опредѣленъ въ Воронежскую духовную семинарію преподавателемъ Общей церковной и Русской ц. исторіи, гдѣ и началъ свою службу съ 20 сентября. Кромѣ Общей и Русской Церковной Исторіи и соединеннаго съ послѣдней, до открытія самостоятельной кафедры въ 1887 г., преподаванія ученія о Русскомъ расколѣ Ѳедоръ Ивановичъ преподавалъ въ семинаріи нѣкоторое время (съ 16 ноября 1883 г. по 15 августа 1885 г.) Нѣмецкій языкъ въ двухъ классахъ епархіальныхъ отдѣленій и (съ 15 августа 1885 г. до конца) Древнюю гражданскую исторію въ 1 классѣ епархіальнаго отдѣленія, а съ 28 ав. 1884 года до конца жизни, т. е. въ теченіе 4-хъ съ лишкомъ лѣтъ имѣлъ уроки по

изъ новыхъ обязательны были для всѣхъ студентовъ, прочія же науки раздѣлены были на три группы и каждая изъ нихъ считалась обязательною только для одного соответствующаго отдѣленія.

²⁾ См. «Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петербургской Духовной академіи за 188^{1/2} учебный годъ, стран. 186—187, помѣщенные въ приложеніи къ Мартовской книжкѣ журнала «Христіанское Чтеніе» 1883 года, гдѣ на указанныхъ страницахъ напечатанъ и полный отзывъ проф. Троицкаго.

предмету Русскаго языка и Русской словесности въ разныхъ классахъ Епархіального женскаго училища; съ 7 апрѣля 1885 г. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Воронежскаго губернскаго Статистическаго комитета; 31 марта 1888 года указомъ Правительствующаго Сената утвержденъ въ чиинъ Коллежскаго Ассессора (со старшипствомъ съ 29 Іюля 1883 года по степени кандидата академіи), а 10 Іюня 1888 года *за отличную и полезную службу при Семинаріи* Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Станислава 3 ей степени. Таковы краткія формулярныя свѣдѣнія о преподавательской дѣятельности Ѳ. Ивановича за все время по день смерти его, т. е. за 5 лѣтъ, 2 мѣсяца и 11 дней!

Но живой человекъ, разумѣется, не виденъ изъ нихъ. А потому со словъ живыхъ свидѣтелей должны мы сказать слово памяти о жизни и служебнн почившаго раба Божія Ѳеодора. По всеобщимъ отзывамъ его жизнь была скромною, почти отшельническою жизнью глубоко вѣрующаго христіанина и честнаго труженника-преподавателя. Своему дѣлу покойный Ѳеодоръ Ивановичъ былъ преданъ всей душой и занимался преподаваемыми имъ науками съ любовью. Къ усерднымъ, усидчивымъ занятіямъ Церковно-историческими науками Ѳ. Ивановича побуждалъ не холодный расчетъ почитаться въ глазахъ людей исполнительнымъ и аккуратнымъ преподавателемъ, но именно характеръ самаго предмета, который пришелся ему по душѣ. Усерднымъ чтеніемъ и размышленіемъ покойный старался установить себѣ такую точку зрѣнія на предметъ, которая наиболѣе соответствовала бы существованію его. Ѳ Ивановичъ видѣлъ въ исторіи церкви Божіей стремленіе человечества ко Христу, на весь историческій процессъ развитія христіанства смотрѣлъ какъ на постепенное раскрытіе царства Божія на землѣ, какъ на исполненіе словъ молитвы Господней: *да придетъ царство Твое!* Опъ отъ души ра-

довался, когда присоединенная къ его кафедрѣ Библейская исторія (по Синодальному указу 1887 г.) и, сверхъ того, Исторія Древняго міра, порученная ему для преподаванія въ I классѣ Семинаріи давали ему возможность обнять весь ходъ человѣческой исторіи съ одной провиденціальной точки зрѣнія и послѣдовательно внушить эту точку зрѣнія своимъ ученикамъ. Онъ далеко не симпатизировалъ тѣмъ писателямъ по Церковной исторіи, которыя въ исторіи церкви рельефно, иногда живописно и увлекательно выставляютъ на видъ одно лишь внѣшнее сцѣпленіе историческихъ фактовъ и борьбу грѣховныхъ страстей человѣческихъ, почитая ихъ главною историческою пружиною и тѣмъ какъ бы заслоняя правящую руку промысла Божія, всегда ведущую къ торжеству истины и добра. И эту идею Ѳ. Ивановичъ проводилъ въ преподаваніи Исторіи Церкви не по требованію только семинарской программы, но вполне сознательно, искренно и съ убѣжденіемъ. Всякая фраза, поддѣльнымъ тономъ произнесенная, всякая неумѣстная скептическая обмолвка съ языка сорвавшаяся при изложеніи событій церковной исторіи сразу, по какому то инстинкту подмѣчаются учащимися и ихъ чуткая совѣсть тотчасъ же угадываетъ фальшь преподавателя при всемъ его стараніи казаться убѣжденнымъ и вѣрующимъ тому, что проповѣдуетъ. Не то было, по словамъ самихъ учениковъ, у Ѳедора Ивановича. Его устное изложеніе церковноисторическихъ событій дышало искренностью христіанскаго убѣжденія, соединяясь съ проницательностью и высотой православно-богословскаго воззрѣнія; самая внѣшняя форма рѣчи отличалась изяществомъ и соответствующею предмету важностью, лилась изъ устъ его свободно, плавно и легко. Особеннымъ воодушевленіемъ звучали рассказы Ѳедора Ивановича, когда приходилось ему касаться свѣтлыхъ страницъ церковной исторіи, тѣхъ фактовъ и явленій, которые съ очевидностью свидѣтель-

ствують о торжествѣ истинны Христовой въ ея борьбѣ со зломъ и заблужденіемъ, каковы, напр., рассказы о свв. мученикахъ, свв. подвижникахъ, свв. учителяхъ церкви, опровергавшихъ еретиковъ. Но и прискорбныя страницы исторіи церкви, когда дѣйствіе Промысла какъ бы не виднымъ становится изъ за борьбы человѣческихъ страстей, случайныхъ явленій, торжества зла, въ изложеніи Ѡ. Ивановича являлись не такими, чтобы вселять въ ученикахъ сомнѣніе и разочарованіе. Самъ проникаясь и возбуждая въ воспитанникахъ благородное негодованіе противъ всякой фальши и зла Ѡ. Ивановичъ все таки не любилъ сгущать краски, и безъ того темныя, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ему быть повѣствователемъ дѣлъ тьмы и лукавствія, онъ съ особенною заботливостію старался не заслонять предъ взоромъ учениковъ хотя слабое мерцаніе свѣта Христова и въ темныхъ вообще личностяхъ и въ мрачныхъ событіяхъ. Ученики привыкали смотрѣть на темныя личности и темныя эпохи не какъ на нѣчто постоянное, обычное и преобладающее въ исторіи Церкви, а какъ на случайное, преходящее, исключительное, попускаемое Всеблагимъ, не нарушающимъ человѣческой свободы, Промысломъ Божиимъ, для достиженія цѣлей премудрыхъ и благихъ, но понятныхъ иногда только для отдаленныхъ поколѣній и притомъ лишь послѣ тщательнаго углубленія въ изученіе взаимной связи фактовъ исторіи. Понятно, что живое, убѣжденное и ясное изложеніе въ классѣ много облегчало ученикамъ усвоеніе уроковъ по Церковной Исторіи, вносило духъ и жизнь въ школьное преподаваніе, пробуждало въ ученикахъ симпатіи къ предмету и къ преподавателю; по общему закону вліянія личности, классъ естественно проникался настроеніемъ преподавателя, между обѣими сторонами завязывалось тѣсное духовное родство. Ѡ. Ивановичъ умѣлъ, поэтому, заставлять большую часть своихъ учениковъ быть исправными, не прибѣгая

къ щедрой постановкѣ плохихъ балловъ, взысканію, устрани-
нію, рѣзкимъ выговорамъ; но не допуская и излишней снис-
ходительности. Опытный учитель, обладавшій педагогическимъ
тактомъ, естественно развившимся у него изъ симпатичныхъ
чертъ характера **Ө. Ивановичъ** пользовался большимъ автори-
тетомъ у воспитаниковъ, не прибѣгая для достиженія этой
цѣли ни къ какимъ искусственнымъ ухищреніямъ, съумѣлъ
и своему предмету сообщить могущественное образовательно-
воспитательное вліяніе. Ученики не смотрѣли на сообщаемыя
имъ даже сверхъ обычныхъ рамокъ учебника церковно-истори-
ческія свѣдѣнія и разъясненія какъ на излишнее бремя для
памяти, но внимательно ихъ выслушивали, понимали и цѣ-
нили ихъ значеніе.

Въ печати **Ө. Ивановичъ** извѣстенъ лишь не многими
церковно-историческими статейками, помѣщенными въ Воро-
нежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, изъ коихъ послѣдняя
«Жизнь Св. Николая Чудотворца, Архіепископа Мирликійскаго
по **Метафрасту**» по странному стеченію обстоятельствъ вышла
изъ типографіи въ самый день смерти его ¹⁾). Не равнодушіе
къ литературнымъ занятіямъ, но уваженіе къ печатному слову
и главнымъ образомъ преподавательская добросовѣстность были
у **Ө. Ивановича** причиною немногочисленности печатныхъ тру-
довъ. Имѣя богатый запасъ знаній по своему предмету и
прекрасно владѣя даромъ слова **Ө. Ивановичъ** могъ бы, разу-
мѣется, нанечатать не мало интересныхъ статейъ по своей
спеціальности и не мало скорбѣлъ, что не имѣлъ досуга для
того. Малодостаточное вознагражденіе за одни штатные уроки
по каѳедрѣ (686 р. въ первые 5 лѣтъ службы) ²⁾, дорого-
визна жизни въ Воронежѣ, желаніе посильно помогать нужда-

¹⁾ Вор. Епарх. Вѣд. 1888 г. № 23 за 1-е декабри.

²⁾ Т. е. 700 р., но по 20% объявленоно удерживается на пенсіонный капиталъ.

юдимся роднымъ, естественно желаніе и о себѣ позаботиться на случай болѣзни или преждевременной неспособности къ труду, опасеніе, въ особенности для покойнаго не безосновательное, побуждало **Θ. Ивановича** не отказываться отъ такъ называемыхъ добавочныхъ уроковъ въ самой Семинаріи (3 урока б. ч.), а также и отъ уроковъ, предложенныхъ ему Совѣтомъ Епархіальнаго женскаго училища. Имѣя почти все время службы уроковъ 20 въ недѣлю и болѣе, притомъ по неодинаковымъ специальностямъ, **Θ. Ивановичъ** долженъ былъ къ нимъ готовиться и при своей добросовѣстности готовиться всегда аккуратно и тщательно. Люди лишь вовсе незнакомые съ учительской службой и требованіями педагогики могутъ представлять, что преподаватель трудится только въ классѣ, а дома по вечерамъ ему дѣлать нечего. Какъ бы ни былъ хорошо знакомъ преподаватель съ предметомъ своимъ, онъ всегда долженъ предварительно самъ прочитывать даваемый урокъ и разумѣется не по одному только учебнику; въ концѣ каждой программы рекомендуется не мало пособій, съ которыми преподаватель обязательно долженъ быть знакомъ. Что бы излагать ясно, точно и кратко, найти къ цѣли такъ сказать ощупью, не обиваться съ прочнаго пути, не запутывать объясненія лишними словами и туманной растянутостью изложенія необходимо чтеніе и обстоятельное усвоеніе весьма разнообразнаго матеріала, служащаго къ разъясненію и пополненію учебника, слѣдовательно нужны время и трудъ, которыхъ не мало уходитъ еще на чисто методологическую сторону дѣла, на подыскиваніе образцовъ и примѣровъ, на обсужденіе пріемовъ и способовъ какъ легче и удобнѣе, въ какой постепенности и послѣдовательности, приспособительно къ уровню каждаго возраста и пола передать учащимся данный матеріалъ, который въ противномъ случаѣ они или не поймутъ и не усвоятъ или усвоятъ чисто механически. Есть

и еще не легкой трудъ преподавателей—это чтеніе и исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ. *Θ. Ивановичъ* всегда самымъ тщательнымъ образомъ просматривалъ письменныя работы воспитанниковъ и воспитанницъ, поправлялъ орфографическія ошибки, неправильныя выраженія, ошибочныя сужденія, а тетрадей съ этими работами каждый мѣсяцъ лежало у него на столѣ весьма значительное число. Были у *Θ. Иванова*, разумѣется, и досужіе часы, но онъ употреблялъ ихъ преимущественно на свое самообразование. Уклоняясь отъ развлеченій даже такихъ, которые называются благородными, являясь только въ товарищескихъ собраніяхъ семинарской корпораціи, собраніяхъ весьма не частыхъ, *Θ. Ивановичъ* остальное досужее время употреблялъ преимущественно на чтеніе и лишь на какіе нибудь часъ—два выходилъ на прогулку по саду и улицамъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. И это усердіе къ чтенію было слѣдствіемъ его ученой добросовѣстности. Каѳедра, которую онъ занималъ, одна изъ труднѣйшихъ въ Семинаріи, такъ какъ соединяетъ въ себѣ три, а годъ тому назадъ соединяла даже четыре, обширныя отрасли церковно-исторической науки, преподаваемыя въ духовныхъ академіяхъ цѣлыхъ пятью лицами, именно Общую церковную исторію древнюю и новую вмѣстѣ съ западной (въ академіи преподають 2 лица), Русскую церковную исторію, Библейскую исторію, Русскій расколъ—три лица. Положимъ, преподавателю семинаріи не предъявляется такихъ требованій, какъ профессору академіи; самостоятельная разработка науки для перваго необязательна; но все-таки и преподаватель семинаріи, желающій быть хозяиномъ своего предмета, не можетъ ограничиться знаніемъ однихъ, къ слову сказать, довольно объемистыхъ учебниковъ, съ большимъ трудомъ и не всѣми учениками осиливаемыхъ. Страннымъ казалось *Θ. Ивановичу* не ознакомиться съ выдающимися произведеніями хотябы то отечественной церковно-

исторической литературы, во всякомъ случаѣ не столь бѣдной какъ это нѣкоторымъ кажется; одни лишь замѣчательныя сочиненія по кафедрѣ *Θ.* Ивановича не уложатся въ довольно помѣстительный шкафъ. Ученіе о Русскомъ расколѣ хотя не составляло въ Воронежской семинаріи отдѣльной науки во время преподаванія этого предмета *Θ.* Ивановичемъ и въ качествѣ дополнительнаго курса было присоединено къ Русской церковной исторіи, но по мѣстнымъ условіямъ требовало серьезнаго вниманія отъ преподавателя. Извѣстно, что *Θ.* Ивановичъ не однократно былъ назначаемъ экспертомъ по сектантскимъ дѣламъ, разсматривалъ слѣдственные бумаги, присылаемыя изъ дух. консисторіи или окружнаго суда, давалъ по нимъ свои письменныя заключенія, вызывался въ окружной судъ, получалъ командировки въ уѣзды для экспертизы на самомъ мѣстѣ жительства обвиняемыхъ и т. п. Чтобы съ усиліемъ выполнять всѣ такія порученія, необходимо, разумѣется, имѣть надлежащія свѣдѣнія въ раскольническихъ и сектантскихъ ученіяхъ, и *Θ.* Ивановичъ дѣйствительно приобрѣлъ по данному предмету обстоятельныя знанія. Усердіе и добросовѣстность проявлялись у него всюду, какимъ бы предметомъ или дѣломъ ни приходилось заняться ему. Приходилось ли *Θ.* Ивановичу преподавать новый предметъ, какъ напр. Библейскую исторію (перечисленную съ авг. 1887 г. къ кафедрѣ церковной исторіи)—и онъ начинаетъ изучать ея первоисточники, книги библіи и выдающіеся труды отечественныхъ бібліологовъ. *Θ.* Ивановичъ не былъ равнодушенъ и къ чтенію образцовыхъ произведеній отечественной словесности. Ему хорошо извѣстны были многія лучшія произведенія и въ особенности Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островскаго, которыхъ онъ перечиталъ нѣсколько разъ и это чтеніе считалъ необходимымъ не только какъ преподаватель русскаго языка и литературы въ Епархіальномъ училищѣ, но и по другому

соображенію, считалъ необходимымъ лично для себя, чтобы парализовать то тяжелое, одуряющее вліяніе, какое производитъ на преподавателя исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ, особенно въ большомъ количествѣ. Имѣть дѣло постоянно съ мыслью наивной, незрѣлой, необдуманной, съ орфографическими опибками, неясными сужденіями, читать тяжелые нескладные обороты, неточныя, неправильныя выраженія—и не освѣжать себя чтеніемъ слова изящнаго, точнаго, художественнаго значить рисковать непримѣтнымъ для себя образомъ утратить изящество своей рѣчи и ясность своего собственного мышленія. Психилогическій опытъ свидѣтельствуетъ, что на человѣка одинаково неотразимо вліяютъ и хорошія и дурныя впечатлѣнія при частомъ повтореніи и общепризнаннѣй въ педагогической практикѣ фактъ, что преподаватель, слыша и види постоянно однѣ и тѣже ошибки учениковъ, подъ конецъ самъ начинаетъ сбиваться и, не прибѣгая къ справкамъ съ книгами, нерѣдко затрудняется на память опредѣлить гдѣ заблужденіе, гдѣ истина.... Такимъ образомъ, любовь въ наукѣ, ясное пониманіе ея задачъ, умѣнье придать ей воспитательное вліяніе на учащихся, педагогическая опытность, аккуратность и добросовѣстность, умственная энергія, не мирившаяся съ рутинной и косностью, побуждавшая покойнаго зорко слѣдить за собой, стараться о собственномъ саморазвитіи были отличительными чертами *Θ. Ивановича*, какъ преподавателя и вообще какъ служебнаго дѣятеля, но частію эти же качества дѣлали его незримымъ міру труженникомъ, малозвѣстнымъ въ печати и неизвѣстнымъ въ обществѣ, т. е. въ кружкахъ общества ни чѣмъ не связаннымъ съ дух. семинаріей, отшельникомъ, проводившимъ большею частію въ стѣнахъ кабинета всѣ свои не служебные часы и дни. Понятно изъ сказаннаго, что *Θ. Ивановичъ*, разсматриваемый *и какъ человекъ вообще*, хотя человѣкъ молодой, могъ смотрѣть на жизнь не иначе,

какъ на время труда, воздѣлыванія, сѣянія, а время жатвы надѣялся видѣть лишь въ жизни загробной, будущей. Онъ не стремился, какъ говорятъ обыкновенно, пожить въ свое удовольствіе и только на необходимыя нужды тратилъ свое обычное жалованье. Живя довольно аккуратно и скромно, значительный процентъ остатковъ отъ своего мѣсячнаго жалованья онъ, какъ извѣстно намъ, имѣлъ обыкновеніе посылать своимъ нуждающимся родственникамъ; доказательствомъ тому, кромѣ словъ самаго покойнаго, служить цѣлая связка писемъ благодарственныхъ и просительныхъ то отъ сестеръ, то отъ сиротствующихъ племянницъ и племянниковъ. Не любилъ Ѳ. Ивановичъ отказывать и нищему, просящему Христа ради; видя калѣку, слѣпца, ему тяжело было пройти мимо, не удовлетворивъ просителя хотя копѣечнымъ подаваніемъ. «То была истинно умилительная картина, свидѣлствуетъ одинъ изъ учениковъ покойнаго, когда онъ обладая одного только рукой, на морозѣ, распахивалъ шубу и съ трудомъ лѣзъ въ карманъ за монетой для нищаго ¹⁾). И этотъ образъ дѣйствій, эта точка зрѣнія на жизнь основывалась у Ѳ. Ивановича на его глубокой и искренней религіозности. Конечно: *«кто изъ человековъ знаетъ, что въ человекѣ (1 Кор. II, 11); одному Богу извѣстны всѣ тайны сердца человеческого (Пс. 7, 10; 138. 1—2; 1 Парал. 28, 9), одинъ Богъ зрѣтъ на сердце, человекъ же зрѣтъ на лице (1 Цар. XVI, 7) т. е.* о внутреннемъ настроеніи заключаетъ по внѣшнимъ проявленіямъ; но все таки нѣтъ, кажется, никакихъ основаній заподозривать искренность этихъ внѣшнихъ проявленій религіозности у Ѳ. Ивановича. На сколько можно судить по этимъ внѣшнимъ проявленіямъ, Ѳ. Ивановичъ былъ глубоко вѣру-

¹⁾ Изъ слова на литургіи въ день погребенія, сказаннаго всениталинскомъ VI кд. Константиномъ Сильченко.

ющій христіанинъ. Неопустительно каждый годъ очищая свою совѣсть поканіемъ и принятіемъ св. Христовыхъ тайнъ, онъ усердно посѣщалъ храмъ Божій, сосредоточенно молился въ немъ, старался уклониться отъ всего, что могло мѣшать этой сосредоточенности и видимо огорчался, когда это не удавалось ему, искренно скорбѣлъ, когда болѣзнь или какія случайныя помѣхи препятствовали ему быть за праздничной литургіей или всенощной и даже въ учебные дни нерѣдко присутствовалъ за богослуженіемъ для поминовенія своихъ родственниковъ или по случаю какихъ-нибудь знаменательныхъ событій въ жизни своей собственной. Предъ образами у него почти всегда горѣла лампада; подолгу молился онъ утромъ и вечеромъ, не начиналъ своихъ дѣлъ не сотворивъ крестнаго знаменія и хотя краткаго молитвеннаго воззванія. Не только въ храмѣ, но и въ частной бесѣдѣ и въ обществѣ старался избѣгать всего, что не гармонировало съ его всегдашнимъ религіознымъ настроеніемъ, и тѣмъ болѣе всего, что могло быть вредно въ нравственномъ отношеніи. За пять лѣтъ совмѣстной службы мы не можемъ припомнить и двухъ-трехъ случаевъ, когда бы покойный позволилъ себѣ выпить рюмку хотя самаго слабого вина. Ведя жизнь холостую Ѳ. Ивановичъ во многихъ отношеніяхъ похожъ былъ на аскета—подвижника. Всеблагой Промыслъ соблюлъ покойнаго неповиннымъ въ горѣ вдовы и сиротъ. Видно довольно было этого горя уже въ самомъ родствѣ покойнаго. Почти вся семья священника Іоанна Піуновскаго кабая-то несчастная; молодымъ умираетъ самъ отецъ; вдовѣютъ двѣ дочери; съ сыпомъ въ академіи происходитъ страшное несчастіе, а другой старшій сынъ, недавно умершій уже въ среднихъ лѣтахъ, оставляетъ семью скорбящую, безпомощную... Здоровье самого Ѳ. Ивановича и съ самаго начала службы вообще не было безукоризненнымъ. Академическое несчастіе, должно быть, не

прошло безъ пагубнаго вліянія. Печать какой-то тайной грусти отражалась на лицѣ Ѳ. Иваныча, когда онъ задумывался; не замѣтный при постоянномъ обращеніи, разговорахъ и частыхъ свиданіяхъ этотъ скорбный, угнетенный видъ лица его сразу бросался въ глаза при первомъ знакомствѣ или стороннемъ наблюденіи. Правда, покойный не былъ меланхоликомъ, желалъ казаться бодрымъ и веселымъ и достигалъ не безъ удачи такого впечатлѣнія, старался прибодрить, воодушевить себя, но глазъ болѣе проницательный могъ видѣть что-то роковое за этой внѣшней веселостью. Мысль о своей недолговѣчности должно быть часто щемила сердце покойному въ часы раздумья и уединенія.... Довольно замѣтнымъ для всякаго посторонняго недугомъ Ѳ. Ивановича издавна была неправильность дыханія, такъ называемая одышка, которая съ теченіемъ времени у него развивалась все болѣе и болѣе и въ особенности стала замѣтна въ послѣдній годъ жизни его. Покойный не разъ обращался къ мѣстнымъ врачамъ за медицинской помощью, хотѣлъ узнать сущность болѣзни, ея источники и степень опасности. Врачи производили діагностическія изслѣдованія, предписывали средства весьма разнообразныя, обнадеживали паціента, успокаивали, иные потому, что скрывали отъ больного горькую истину, иные потому, что сами ея не угадывали; лишь одинъ изъ врачей въ послѣднее время призналъ у Ѳ. Иваныча порокъ сердца и прямо сказалъ ему о томъ. Въ виду разнорѣчія и неопредѣленности сужденій врачей въ Воронежѣ Ѳ. Ивановичъ — по свидѣтельству одного изъ сослуживцевъ, бесѣдовавшихъ съ нимъ о данномъ предметѣ, возъмѣлъ рѣшительное намѣреніе въ наступавшіе святки ѣхать въ Москву къ доктору Захарьину и отъ него услышать рѣшительный приговоръ на жизнь или смерть.¹⁾

¹⁾ Изъ надгробной рѣчи С. Е. Звѣрева, сотрудника Ѳ. Ивановича по кафедрѣ Церковной Исторіи.

По видимому не было какихъ-либо серьезныхъ основаній думать, что покойный не доживетъ до рождественскаго отпуска. **Ө. Ивановичъ**, уже начавшій обращать серьезное вниманіе на свой недугъ, въ постели изъ за него нисразу не лежалъ. Не задолго до смерти покойный, правда, опустилъ вѣсколько уроковъ попричинѣ ревматизма въ ногѣ; но самый главный недугъ ни разу не останавливалъ его въ отправленіи преподавательскихъ обязанностей и не далѣе, какъ на канунѣ своей смерти, покойный былъ на урокахъ въ обоихъ заведеніяхъ. Но одно предполагаетъ человѣкъ, а иное дѣлается по Божьему изволенію и что съ каждымъ будетъ на утро, никто изъ насъ самъ по себѣ не можетъ сказать съ достовѣрностью (Іак. 4, 13—17). Эта горькая истина со всею своею неопровержимостью оправдалась и на покойномъ **Өедорѣ Ивановичѣ**. Утромъ перваго декабря часу въ осьмомъ онъ пообычаю отпраивался въ классъ на свой первый урокъ въ Женскомъ Епархіальномъ училищѣ. Стоялъ морозъ болѣе 20 градусовъ. Не успѣлъ покойный отойти и 30 сажень отъ своей квартиры за Петровскимъ садомъ, одной стороною выходящимъ на Дворянскую улицу и только что обошелъ этотъ малевькій садикъ и выбрался на Дворянскую, какъ у перваго же казеннаго зданія вдругъ упалъ и не въ состояніи былъ самъ подняться на ноги. На вопросъ шедшаго вслѣдъ за нимъ одного чиновника «что съ вами?» покойный больше знакомъ руки, чѣмъ задыхающимся, неяснымъ голосомъ попросилъ посадить себя на извозчика и отправить на квартиру, что и было упомянутымъ чиновникомъ исполнено при помощи полицейскаго служителя. Но на квартиру, какъ оказалось, сопровождавшіе **Өедора Ивановича** доставили уже только мертвое бездыханное тѣло его. Немедленно приглашенные два врача могли только засвидѣтельствовать внезапную смерть **Өедора Ивановича** отъ апоплексическаго удара, соединеннаго съ разрывомъ сердца. Какъ

громъ поразила эта скорбная вѣсть духовную семинарію, куда достигла она не болѣе какъ черезъ десять минутъ. Тяжолое, болѣзненное впечатлѣніе она произвела и на сослуживцевъ, и на учениковъ покойнаго. Всѣ искренно скорбѣли о Ѳ. Ивановичѣ; но услуги человѣческія уже не были нужны ему. Для заведеній, которымъ онъ служилъ, оставалось отдать лишь послѣдній долгъ праху умершаго. Въ теченіе дня было совершено три панихиды въ квартирѣ почившаго. Въ тотъ же день къ вечеру въ присутствіи всѣхъ преподавателей и воспитанниковъ семинаріи совершенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ семинарскій храмъ, послѣ чего отслужена была панихида и всенощная. Погребеніе происходило на другой день 2 декабря. По дальности разстоянія и отсутствію прямого сообщенія по телеграфу родные покойнаго не могли быть увѣдомлены въ день смерти и не могли прибыть на погребеніе ¹⁾. Заупокойную литургію совершалъ О. Ректоръ Семинаріи въ сослуженіи преподавателя Іеромонаха о. Климента и духовника при семинаріи о. Д. Таирова. Въ церкви присутствовали всѣ преподаватели и воспитанники семинаріи, всѣ члены совѣта епархіальнаго женскаго училища, часть воспитанницъ старшихъ классовъ этого училища, г-нъ Смотритель и нѣкоторые изъ преподавателей мужскаго духовнаго училища, г-въ секретарь дух. консисторіи и разныя лица изъ сторонней публики, знавшіе покойнаго. На литургіи во время причащнаго стиха сказано было слово въ память усопшаго воспитанникомъ VI кл. К. Сильченковымъ. Въ отиѣваніи приняли участіе, кромѣ служившихъ литургію, всѣ остальные преподаватели духовнаго сана и нѣкоторые изъ городскихъ протоіереевъ и священниковъ, всего до 10 чело-

¹⁾ Почти тотчасъ-же дана была телеграмма матери съ извѣстіемъ о смерти ея сына, но вечеромъ того-же дня была возвращена съ извѣщеніемъ, что телеграмма нарочнымъ за отдаленностью мѣста доставлена быть не можетъ.

вѣкъ. О. Ректоръ предъ отпѣваніемъ произнесъ глубокопрочувствованную рѣчь о заслугахъ покойнаго, какъ преподавателя; кромѣ о. Ректора изъ числа лицъ семинарской корпораціи говорили рѣчи два преподавателя: А. Потѣхинъ и С. Е. Звѣревъ, сотрудникъ покойнаго по кафедрѣ. Изъ числа воспитанниковъ; кромѣ К. Сильченкова (говорившаго на литургіи) имѣли желаніе говорить человекъ до 10-ти изъ разныхъ классовъ но, по недостатку времени, не всѣ рѣчи могли быть произнесены; сказаны были рѣчи слѣдующими воспитанниками: Петромъ Кушталовымъ 6 кл., Иваномъ Бѣляевымъ, Тихономъ Донецкимъ и Гавріиломъ Свѣсаревымъ — воспитанниками V класса; рѣчи же воспитанниковъ младшихъ классовъ Вл. Никитина, А. Стефанова и проч. по недостатку времени остались не произнесенными. Во всѣхъ рѣчахъ выражалась глубокая скорбь о преждевременной утратѣ всѣми любимаго наставника; возсылались молитвы о помилованіи души его и унованіе на милосердіе суда Божія въ виду добродѣтельной, труженической жизни и многоплодной дѣятельности покойнаго. На гробъ возложены были два вѣнка — отъ сослуживцевъ и воспитанницъ енархіальнаго училища. Не смотря на ѣхавшій катафалкъ и сильный морозъ, до самой могилы гробъ почившаго несли на своихъ рукахъ глубоко опечаленные смертью наставника воспитанники Семинаріи. Миръ праху твоему глубоковѣрующій христіанинъ и честный труженикъ!

А. П.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

4. Декабря исполнилось десятилѣтіе управленіемъ Воронежскою Губерніею достопочтеннаго Начальника Воронежской Губерніи Тайнаго Совѣтника Александра Васильевича Богдановича. Граждане г. Воронежа, представители отъ духо-

венства, чины гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, представители отдѣльныхъ учрежденій, — общественныхъ и административныхъ по сему поводу принесли достоуважаемому Начальнику Губерніи искреннія привѣтствія и благожеланія.

Съ начала Ноября сего года Братствомъ Св. Митрофана и Тихона снова открыты при Благовѣщенскомъ Митрофановомъ монастырѣ по воскреснымъ днямъ религіозно-правственныхъ народныхъ чтенія съ свѣтовыми картинами. Чтенія эти посѣщаются народомъ настолько охотно, что залъ монастырскій, вмѣщающій до 500 человекъ, не въ состояніи удовлетворять всѣмъ желающимъ присутствовать на чтеніяхъ; почему, по необходимости, многимъ посѣтителемъ приходится отказывать за недостаткомъ помѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1889 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ» будетъ продолжаемо въ 1889 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Литска для Харьковской епархіи, — и будетъ выходить два раза въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ, Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 г. по 5 рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОТЪ ІЕРУСАЛИМСКОЙ ПАТРИАРХІИ.

Въ виду появленія въ Россіи значительнаго числа мнимыхъ сборщиковъ въ пользу Св. Гроба Господня и св. мѣсть Палестины, считаю долгомъ предупредить христоролюбивыхъ благотворителей, что пожертвованія въ пользу Св. Гроба Господня и св. мѣсть Палестины принимаются по уполномочію его блаженства, патріарха іерусалимскаго Никодима, исключительно Іерусалимскаго патріаршаго подворья въ Москвѣ, что на Арбатѣ, архимандритомъ Мелегіемъ, который и проситъ въ виду крайняго и затруднительнаго матеріальнаго состоянія церкви Іерусалимской въ дѣлѣ защиты православія отъ нападковъ ино-вѣрныхъ пропагандъ не отказать ей въ посильной помощи и пособіи для удовлетворенія настоятельнымъ нуждамъ и потребностямъ св. мѣсть Палестины, гдѣ имена благочестивыхъ жертвователей и будутъ помянаться во св. мѣстахъ прославленныхъ и освященныхъ рожденіемъ, жизнью, страданіемъ, смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ Спасителя Нашего Господа Іисуса Христа.

Архимандритъ Мелетій

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЯТЫЙ ГОДЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬ-
НАГО ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

„ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ“

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ БЕЗЪ ИЗМѢНЕНІЯ.

Въ журналѣ по прежнему будутъ помѣщаться общедо-
ступныя статьи изъ области христіанскаго вѣроученія и правоу-
ченія; церковно-историческіе рассказы и разнаго рода статьи,
пригодныя для чтенія при вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ;
наиболѣе удачныя и цѣлесообразныя опыты пастырскихъ собе-
сѣдованій съ раскольниками и сектантами; замѣтки по вопро-
самъ пастырской практики; наблюденія и замѣтки касательно
народныхъ вѣрованій, обычаевъ и предразсудковъ; сообщенія
о расколѣ и сектанствѣ; мнѣнія и отзывы печати по различ-
нымъ вопросамъ церковно-общественной жизни; библиографи-
ческія замѣтки, разныя извѣстія....

Въ особыхъ *приложеніяхъ* къ журналу заблаговременно
печатаются *проповѣди* на предстоящіе воскресные и праз-
дничные дни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

ЗА ЖУРНАЛЪ И ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ НЕМУ:

Съ доставкой и поресылкой —

На годъ (съ 1 Сент. 1888 г. по 1-е Сент. 1889 г., а равно
и съ 1-го Янв. 1889 по 1-е Янв. 1890 г.) ПЯТЬ рублей.

На четыре мѣсяца (съ 1-го Января по 1-е Мая) ДВА рубля.

Остатшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляры
журнала за прежніе четыре года изданія, съ двумя выпуска-
ми приложеній къ каждому изъ нихъ, высылаются по три руб-
ля за годовой экземпляръ. За всѣ четыре года вмѣстѣ—десять
рублей. Приложенія отдѣльно—по одному рублю за годъ (два
выпуска), за всѣ четыре года (8 выпусковъ) четыре рубля.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ Москву, въ Редакцію еженедѣльнаго духовнаго жур-
нала «Пастырскій Собесѣдникъ».

ОТЪ РЕДАКЦІИ Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться въ будущемъ 1889 году по прежней программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и выходить два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чисель.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой
5 руб. сер.

Рукописи, доставленныя въ Редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ. Статьи и корреспонденціи, признанныя неудобными къ печати, сохраняются Редакціею въ теченіи года и затѣмъ могутъ подлежать уничтоженію. Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Сочувствующихъ духовному просвѣщенію редакція покорнѣе проситъ содѣйствовать ей своими трудами.

Всѣ редакціи, дѣлавшія обмѣнъ своими изданіями съ Ворон. Епарх. Вѣдомостями, благоволятъ продолжать таковой и въ будущемъ 1889 году.

Общественное служеніе Церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.— Генеральское новолѣтіе.— Собесѣдованіе миссіонера Гермогена Арсенія въ Воронежской духовной Семинаріи.—† Ф. И. Піуновскій.— Иѣтныя извѣстія.— Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Протоіерей А. Спасскій.

Цензурою дозволено, Воронежъ, Января 1 дня 1889 года. Цензоръ Прот. П. Палицынъ.

Воронежъ. Въ типографіи В. И. Писахи.